

МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ

ЕКАТЕРИНА КАРИДИ

Если вы хотя бы раз тонули в воде, вы знаете, что это. Если вы хотя бы раз горели в огне, вы знаете, что это. Если вы хотя бы раз умирали, вы знаете, что это. Если вы хотя бы раз любили...

Мертвая петля

Написано по мотивам одной истории любви в соавторстве с одной из моих читательниц. Имена и фамилии вымышлены.

Если вы хотя бы раз тонули в воде, вы знаете, что это. Если вы хотя бы раз горели в огне, вы знаете, что это. Если вы хотя бы раз умирали, вы знаете, что это. Если вы хотя бы раз любили...

Золото моих чувств,
драгоценные сокровища души,
воспоминания...

Пролог.

Сегодня пасмурно, значит, в парк идти не стоит. Ну что ж, найдется, чем занять день. Дочка с зятем уехали на дачу, самое время грядки полоть. Младшего внука забрала сватья, они с внучкой Аришей остались дома одни. Ариша очень любила приезжать к бабе Нине, они с ней подружки, с бабушкой можно было говорить о чем угодно, делиться секретами, она могла выслушать, посоветовать, не то, что мама. Сразу в панику. Папа и того хуже. А девочка была мечтательной, необычной, не такой, как теперешние подростки, словно гостья из позапрошлого века.

Внучка уже большая девочка, ей скоро будет четырнадцать. Прекрасный возраст. Нина Степановна улыбнулась, выкладывая на стол блюдо с выпечкой. Возраст первой любви. Нина Степановна напекла с утра плюшечек, ватрушек и пирожков с вишней — пусть девочка полакомится. Она немного худенькая и болезненная, бабушка всегда старалась ее подкормить. Глядя в открытое окошко на мрачное небо, явно предвещающее ненастье, бабушка и внучка попили чаю, Арина предложила, раз уж пикник не удался, то не порыться ли им в старых письмах и фотографиях.

— Ариша, ты так любишь копаться в семейном архиве, наверное, станешь историком?

— Баба Нина, не знаю, как насчет историка... Не могу сказать, но в старых документах обожаю копаться, у меня такое ощущение, что от них исходит запах самого времени. И еще мне нравится узнавать разные истории и иногда даже хочется записывать их.

— Хочешь стать писательницей?

— Не знаю, я еще не решила.

— Ну, что ж...

Бабушка отправилась в свою комнату, принести старые семейные альбомы, коробку с письмами. Она уже собиралась выйти, но вернулась и вытащила небольшую деревянную шкатулку. Эту шкатулку она никогда не показывала ни детям, ни внукам. Нина Степановна не могла сказать, почему сейчас ее достала, почему именно сегодня. Просто ей показалось, что так надо. Она захватила все с собой и вышла в кухню, где ее ждала Ариша. Та обрадовалась, потеряла худенькие ручки и засмеялась.

Нина Степановна смотрела на девочку и видела в ней себя, она тоже тогда, пятьдесят лет назад была такой. Худенькой, большеглазой, смешливой, невинно-кокетливой, мечтательной...

— Ой, бабушка, а что тут, в этой шкатулке? Я ее раньше никогда не видела... — она кинулась открывать, но шкатулка была закрыта на ключик.

Бабушка таинственно усмехнулась, показывая внучке маленький ключ на блеклом

голубом шелковом шнурке, и сказала:

— А здесь хранятся мои главные сокровища.

— Что? — не понял ребенок.

— Мои тайные воспоминания.

— Ух ты... - даже дыхание у девочки перехватило, — Тайные воспоминания...

Она повертела шкатулку в руках и вдруг спросила, как будто даже невпопад:

— Бабуля, ты ведь очень любила дедушку? Ты так горевала, когда он умер...

Бабушка грустно взглянула на девочку, потом отвернулась и ответила, глядя в окно:

— Да...

Наконец шкатулка была открыта, Ариша дрожащими от любопытства руками вытащила оттуда стопку старых писем и маленький альбом для фотографий. Письма она временно отложила в сторону. Взяла в руки альбом, это был старый потертый бархатный альбом, когда-то, видимо бордового, а теперь скорее серо-бурого цвета. Открыла. С потертой черно-белой фотографии на первой странице на нее смотрел незнакомый парень в военной форме. Она никогда не видела этих снимков раньше.

— Бабушка, а это кто?

Нина Степановна оторвалась от окна и посмотрела на Аришу, та была поражена, сколько разных чувств было в этом взгляде.

Действительно, кто был для нее тот парень, что он значил, почему она до сих пор хранит эти письма и снимки, как драгоценную реликвию?

Ниночка Курбанова была впечатлительной девочкой со слабым здоровьем, воспитанной в жестких традициях. Слабое здоровье и неблагополучная семья. В детстве это может здорово угнетать, особенно, если родители постоянно ссорятся и, в конце концов, разводятся. У меланхоличного впечатлительного подростка не остается другого выхода, кроме как создать себе свой мир и уходить в него от реальности. Но тут срабатывает сразу несколько разных НО. Если подросток не эгоистичен, и способен глубоко переживать, если может и любит учиться, если имеет сильную волю и так называемый стержень, то все это якорем будет держать его в гуще всех жизненных неприятностей, заставляя переживать их снова и снова. А душа будет жить в своем, пограничном мире.

Когда родители развелись, ей как раз исполнилось 12 лет.

Мама, Серафима Петровна, родом из сельской глубинки со своим религиозным укладом, который складывался на протяжении нескольких веков. Естественно, это налагало определенный отпечаток на воспитание женщины. Множество ограничений, как в быту, так и в интимной сфере. Возможно, именно это и послужило причиной разлада в отношениях матери и отца, может, причины были иные, только отец из семьи ушел, и со временем они с матерью развелись.

Отец, Степан Иванович был простой рабочий, но из городских, и материных заморочек не понимал. Дочку Ниночку обожал, однако, это не помогло матери удержать мужа. Зато отношения у дочки с отцом были и оставались очень близкими всегда. Нина все время переписывалась с ним, рассказывая ему в письмах то, чего никогда не посмела бы сказать матери. Это не значило, что Нина не любила маму, или не была с ней близка. Нет. Просто не все темы можно было с ней обсуждать.

Вскоре мама снова вышла замуж, деревенское воспитание заставляло ее стыдиться своего статуса разведенки, она считала, что женщина должна быть замужем, особенно, если у нее есть ребенок. Увы, второе замужество было совсем уж неудачным, но, слава Богу, коротким. Мамин второй муж оказался запойным пьяницей, бил их обеих, в общем, когда мать развелась с ним, они обе, наконец, вздохнули с облегчением.

В тот год они с матерью переехали в новую квартиру. Матери дали комнату в коммуналке. Странное дело, стоило перестать пытаться построить свою жизнь в соответствии с какими-то догмами — и все как-то само собой наладилось. Маме, конечно, приходилось тяжело, на двух работах, денег всегда не хватало, но зато можно спокойно спать, не опасаясь, что какой-то пьяный урод устроит погром посреди ночи. В новой школе, куда она теперь ходила, дела пошли хорошо, учителя были ею довольны. Жизнь наладилась.

В этих вот неурядицах Ниночка потихоньку выросла и стала хорошенькой. Из бледного худенького ребенка она превратилась в интересную девушку. Бледность осталась, но в сочетании с темными глазами и волосами и яркими, словно вишни, полными губами, она придавала лицу невероятную привлекательность. Первая свежая еще не женская, но уже не детская стройность в фигуре. Разумеется, у нее была масса поклонников. Нина никогда не прилагала к этому усилий, да и не придавала особого значения. Пока чувства спят, они не тревожат. Плюс еще строгое воспитание, полученное от матери, всегда внушавшей Нине, что девушка должна иметь в душе стрежень и помнить о чести.

Стержень у Нины был. Он помогал ей жить.

Удивительно, как одинаковые условия, в которых проходит детство, могут породить совершенно разных людей с диаметрально противоположными характерами. Артемка Таранов тоже родился в неблагополучной семье. Впрочем, каждая неблагополучная семья уникальна, хоть их всех и объединяет нечто общее — отсутствие этого маленького незаметного, когда оно есть, и такого режущего глаза и сердце, когда его нет, того, что люди называют семейным счастьем. Так вот, он был здоровым мальчишкой со всеми мальчишескими потребностями.

Родители Артема были обычные служащие. Ничем не примечательные, трудились по восемь часов на благо Родины в одном КБ.

Мать Артема в отличие от Ниночкиной мамы, не была религиозной, но тоже имела очень жесткую систему жизненных ценностей, главными из которых были разнообразные запреты и правила приличия. Если мать считала, что что-то можно, а чего-то нельзя, ее было не переубедить. Она очень хорошо содержала семью как хозяйка, все всегда были сыты, обуты и одеты, и это притом, что они никогда не имели лишнего достатка. Но. Нельзя было тратить время и деньги на бестолковые развлечения, ненужные покупки, есть два праздника — Новый год и День рождения — и хватит. Модная одежда, вот это была вовсе отдельная тема. Пижонить с ее точки зрения было неприлично.

Отец не понимал ее, ему хотелось пожить для себя, 'глотнуть воздуха хоть иногда', как он говорил. На этой почве они ссорились, и, в конце концов, отец ушел к другой. Артему тоже было около 12 лет, когда родители развелись, он иногда встречался с отцом, но жил с матерью. Теперь у матери оставался только сын, потому что замуж она больше не вышла — неприлично. Вот сына она и воспитывала, все старалась взрастить в нем жизненный стержень. Так продолжалось до 14 лет.

Дело в том, что Артемке всегда хотелось того, запретного, что считала категорически неприемлемым мать. Скорее всего, если бы она не запрещала чего-то так строго, он бы и не стремился этого добиться. Эффект запретного плода в действии, а может, просто мальчишеский максимализм, кто знает. Мир, созданный для него матерью, Артему не нравился, он стремился его вырваться из него, обрести свободу, и если кто-то уходил для этого в мир духовный, то Артем после 14 лет просто стал жить иначе, так, как ему нравилось. Пошел своим путем, и был в этом непреклонен.

В общем, стержень мать в нем взрастила, но совсем не тот, какой ей хотелось. Артем вырос крупным, и в свои четырнадцать выглядел уже настоящим парнем, а не мальчишкой. Рослый, плечистый, сильный, русые волосы, смуглая кожа, яркие синие глаза — красавец. Как такого удержишь? Он нравился девчонкам, да и женщинам постарше тоже, естественно, что его рано стали интересоваться эти стороны жизни, а с помощью более взрослых 'подруг', парень приобрел и определенный опыт. Характер у Артема был независимый, одеваться он любил модно, и, раз мать на это все денег не давала, просто стал искать возможности их заработать. Кто ищет, тот всегда находит. Разумеется, вагоны с углем он не разгружал, нашлись ребята, помогли советом, пристроили к делу. Так что, свои деньги у Артема рано появились, а с ними и свобода.

Возможно, эти двое никогда бы и не встретились, если бы не случай. Странная ирония судьбы. Матери обоих совершенно случайно достали путевки в один и тот же зимний пионерский лагерь. Там они познакомились.

Они были в разных отрядах, впервые встретились на танцах. Артем заметил необычную девчонку, стоявшую у стены среди смеющихся подружек. Ему показалось, что ее темные глаза горят особенно ярко на бледном лице, а губы, губы как сочные вишни. Две сладкие, смеющиеся вишенки. Фигурка тоненькая, грудки-вишенки... Парня даже пробрало непонятной дрожью предчувствия чего-то волшебного, словно мягким мехом прикоснулись к шее, вызывая непрощенные, сладкие ощущения. Он пригласил ее на медляк.

Что могло сыграть свою роль, может, пробуждающаяся чувственность, может красота и мужественность этого парня, только танцуя с ним, Нина впервые почувствовала непонятное томление, и легкая дрожь его сильного тела, держащего ее в объятиях, закружила ей голову. Но танец закончился, а вместе с ним и растаяло очарование момента. В то время Нина была как тронутое льдом зимнее озеро, с холодной, кристально чистой водой, как заколдованная принцесса, чьи чувства еще и не думали просыпаться. А потому она подняла на Артема ясные глаза, и, прочтя в его глазах восхищение, легко вздохнула. Жажда поклонения, живущая в каждой девушке, была удовлетворена. Она сочла его красивым и интересным, и была не против дружить с ним эти две недели, но не более того.

Может быть, так и было для нее, однако для него все было иначе. Он был горяч, и целоваться его уже научили, возможно, будь она другой, он в тот же вечер затащил бы ее в укромный уголок и непременно поцеловал. Ему этого безумно хотелось, но он не посмел испортить своим нетерпением то волшебное, что почувствовал к ней. Парень еще не встречал таких ледяных принцесс, она была одна такая, первая. А может, он просто влюбился в нее? Конечно, именно так все и было.

Замечательно прошли, эти солнечные зимние дни. Столовая находилась в другом здании. По дороге играли в снежки, норовили вывалить друг друга в сугробах. А сколько времени проводили на катке! Многие из ребят привозили коньки с собой. Катиться по льду, держась за руки — вот это была романтика. Еще был хоккейный матч между девчонками и ребятами. Ребят обрядили в юбки, которые мешали нормально играть, парни заплетались и путались в юбках, а девчонки умирали с хохоту. Да, на всю жизнь запомнился тот хоккей. Как же это смешно, задорно, молодо!

Так уж получалось, что Артем все время оказывался рядом с Ниной, вглядываясь с жадой в ее смеющиеся глаза. А ей было весело рядом с ним, но она знала, что времени у них всего две недели, а потом каждый из них вернется в свою жизнь, и привязываться к Артему не стоит. Тем более, что ее жизнь была далека от совершенства, да и бедность и неустроенность угнетала. Хорошо, хоть они с матерью ушли от отчима, правда, он иногда возникал в их жизни кошмаром из прошлого, и в такие моменты ей хотелось заснуть, и спать пока все это не закончится.

В общем, Артем, конечно, занимал ее мысли. Но. У нее был стержень. Некий внутренний кодекс, который не позволял ей крутить с ним любовь, как это делали ее подружки. Какая-то ледяная корка, запрещающая чувствовать то, что она считала запретным. Нет, несмотря на семейные неурядицы, Нина не была забитой, вовсе нет. Даже наоборот, ей хотелось выделиться из общей серой массы, и не для того, чтобы привлечь чье-то внимание, а для себя. Чтобы почувствовать себя живой и свободной, потому что ей казалось иногда, что она задыхается в домашних проблемах. Очевидно именно этим, помимо привлекательной внешности она и привлекала ребят — тем, что не старалась кому-то понравиться.

Две волшебные зимние недели в лагере закончились. Они расстались, унося в сердце свои первые золотые воспоминания. Может, тогда Артем и не растопил сердца, но Нина о

нем думала. Чаще, чем ей хотелось. И думала в основном на ту тему, что его следует забыть.

А что же парень? Он-то был поопытнее, и уже имел представление о том, чего могут хотеть девушки. И все же с ней он был другим, словно горел для нее ярким и чистым, но не обжигающим пламенем. Агапэ. Так называли это чувство древние греки.

Его огонь и ее лед. Таков был этот первый фрагмент золотых воспоминаний.

Возвращение в город было словно из сказки в обычную жизнь.

А в обычной жизни была школа, дом, мама. Мама встретила Нину с перебинтованной рукой. Порезалась. Но девушка переживала страшно, потому что догадалась, пока ее не было, в гости к матери наведалься ее бывший второй муж. Как она корила себя, что уехала, что оставила мать одну. Еще и учеба почему-то косо пошла, может переходный возраст, или сезонное ухудшение здоровья, кто знает. Нину от пониженного давления мучила постоянная сонливость.

Так что попытки Артема завязать общение наталкивались на ее не то что бы холодность, но отсутствие энтузиазма. Он ведь старался найти к ней подход, постоянно думал о ней, хотел познакомить ее со своей матерью. А Нина вяло на все реагировала, однако, парень не унимался, хотя и чувствовал, что девушка замыкается и избегает его, и не мог понять, в чем дело. Он ведь тянулся к ней всей душой. В той приземленной, прагматичной жизни, которую он вел, Нина была отдушиной, глотком чистого воздуха. Девчонка не от мира сего. Ангел. Его первая любовь. Он не мог знать, что Нина старается отдалиться от него, потому что просто стесняется его, не желая, чтобы в их с матерью неблагополучный мирок проник кто-то еще. И, если честно, считала она эти отношения преждевременными и ненужными.

Говорят, девочки созревают раньше ребят одноклассников. Обычно это так. Достаточно взглянуть на оформившихся девчонок — школьных отличниц и их мелких угловатых ребят — одноклассников, двоечников и лоботрясов. Но не этом случае. Артем был уже взрослым и созревшим для жизни, тогда как Ниночка, его ледяная принцесса была от нее еще очень далека. Это притом, что вся неприглядная и несчастливая история матери прошла у нее на глазах. Бывает так, человек живет посреди всеобщего беспорядка, но его этот беспорядок не касается, потому что у него свой собственный порядок. Это как цветы в проруби, или яблоки на снегу. И он мучительно хотел этих цветов, этих снежных яблок, этих вишен.

Стоит ли удивляться, Артем был подростком, и в мире, в котором он жил, она была как разрыв шаблона, нечто неправильное и бесполезное, а оттого вдвойне более притягательное.

А потом Нина сильно простудилась и слегла в больницу. Артем думал, что сойдет с ума от беспокойства. Он рвался к ней, но...

Его не пустили к ней в палату, она велела передать, что не хочет его видеть. Это было неожиданно и очень больно. Артем не мог понять, за что. Он ушел, сгорбившись, словно огромная тяжесть опустилась на его плечи и придавила к земле.

Тогда ему показалось, что она предала его. Предала его в первый раз.

Нина смотрела из окна своей палаты, как уходит парень в красном свитере. В сердце была непонятная, вялая пустота. Она видела, как поникли его плечи, в голове вертелась мысль, что ему, наверное, больно. Но Нине тогда казалось, что так будет лучше для них обоих.

А это уже был второй фрагмент. Золото с горечью пополам.

Они больше не виделись.

Тяжело все прошло для Артема.

Потому что легко излечиваются от увлечений, а он-то Нинку любил по-настоящему. И своим предательством, а он считал это именно предательством, она убила в нем доверие ко всем женщинам. Отныне он не желал никому открывать своего сердца, слишком больно было тогда. И Нинку пытался ненавидеть, но не мог. Не мог. Но стал циничным. Как ни странно, девицы ему теперь еще больше на шею вешались, хотя он ими просто пользовался.

Почему-то плохие парни всегда привлекательнее хороших домашних ребят. Хотя, отчего же непонятно, как раз таки все понятно. Плохие парни всегда ассоциируются у девчонок с хищниками, а хищника хочется приручить. И чем больше хищник, тем больше охотниц. Ибо каждая считает, что куда престижнее приручить тигра, чем хомячка. Правда, замуж потом за хомячков и выходят, обломав об тигра зубы. Вот тогда и выясняется, что хомяк тоже страшный зверь. Но это так, лирика.

Теперь Артем был школьный мачо. Еще тогда в 14 лет он был уже сформировавшимся юношей с красивой фигурой, а за прошедшие два года еще вырос и возмужал, стал настоящим красавцем. Плюс его старые связи с нужными ребятами, да еще и прикинутый, и при деньгах. Как есть мачо, циничный, холодный, уверенный в себе. А в душе... В душе была старая рана и вселенская обида на ту единственную девчонку, которая не хотела его видеть. Выбросила из своей жизни как старую ненужную тряпку.

А Нина снова сменила школу, состояние здоровья немного улучшилось, особенно после того, как она начала заниматься спортом. Новая школа, кстати, была со спортивным уклоном, и регулярные занятия баскетболом и волейболом как-то быстро помогли ей окрепнуть и набрать форму. Она неплохо играла, даже несмотря на свой не слишком подходящий для баскетбола рост, всего метр семьдесят. И что интересно, предметы тоже подтянулись, постоянные тренировки дисциплинируют. Даже удивительно, сколько появляется свободного времени, если живешь в режиме.

Так вот, свободное время...

Парень в красном свитере, чувства которого она тогда со спокойной душой отвергла, не желал уходить из ее сердца. Когда они расстались, Нина не чувствовала к нему ничего, кроме неясной мутной пустоты и желания отгородиться, но стоило ему исчезнуть из ее жизни, все изменилось. Как будто муть осела, а скрытое в ней стало четким, и разные мелочи вдруг могли нежданно вызвать к жизни непрощенные воспоминания о нем. А ей совершенно точно надо было Артема забыть, потому что она так решила тогда, и потому что это было правильно.

Но когда это сердце поступает как правильно? Оно поступает по собственным правилам, и попробуй их нарушить, эти правила. Расплачиваться будешь всю жизнь.

В общем, Нина тоже стала старше и превратилась в очень привлекательную девушку. Теперь встречалась с парнями, но надолго ее не хватало. Три-четыре свидания, пара поцелуев и все, они становились ей неинтересны. Может, и бессознательно, но всегда сравнивала всех остальных ребят с ним, и почему-то никто этого сравнения не выдерживал. И еще, если раньше Нина была просто веселой девчонкой, то теперь она сознательно могла манипулировать мальчишками, знала, когда улыбнуться, а когда и надуть губки. Удивительно, но она умудрялась сочетать в себе несоединимое, быть одновременно и снежной королевой и веселой хохотушкой. А парням Нинка головы кружила, и бросала их без всякой жалости. Невинная жестокость невинности. Впрочем, парнишки быстро утешались, сердечные раны, нажитые в юности, обычно легко зарастают, превращаясь в зрелом возрасте в светлые воспоминания.

Так уж вышло, что нашу снежную королеву Нинку может и утешала мысль, что она, отказавшись от Артема, поступила правильно, только вот забыть его она не могла. И новые поклонники, и новая школа, и даже улучшение бытовых условий не могли этого изменить. А потому, когда на одной из тех тренировок, что проводились время от времени с учащимися нескольких школ, ей случайно встретилась Маринка, девчонка, с которой вместе они были в том зимнем лагере, Нина не смогла удержаться. Она все-таки задала этот вопрос:

— Марин, а ты Артема не знаешь? Ну, того, из лагеря.

— Как не знаю, он в нашей школе учится.

Это было... Сердце пропустило удар, пропал голос. Когда Нина смогла говорить, она попросила:

— Поможешь его увидеть?

И зачем ей это было? Прогнать его, потом два года стараться его забыть, а теперь искать встречи? Зачем...

А затем, что дозировать можно лекарства, порции в столовой, еще чего-нибудь, необходимое для жизни, но НЕ нужное душе. Попробуйте-ка дозировать душевные потребности, они вам живо покажут, что чем дальше загоняешь вглубь желание, тем сильнее оно рвется на свободу.

Новая встреча произошла как бы случайно, на спортивной площадке. Молоденькие барышни просто непревзойденные мастерицы устраивать такие "внезапные" встречи.

Все чисто. Легенда просто идеальна. Нина пришла навестить старую подругу.

Неделю назад встретились на общей тренировке, разговорились, вот в гости пришла. А тут волейбольный матч, ну как не включиться? Конечно же Нина включилась. А то, что Марина заранее попросила Артема подойти как раз к этому времени, типа, дело есть, так это совершеннейшая случайность!

Надо сказать, что появления Артема Нина ждала как на иголках. Каким он стал? Изменился? Забыл ее? Нет? Все-таки они не очень хорошо расстались. И по ее вине.

Пришел.

Парень появился в дверях спортивного зала и позвал Марину. В первый момент, как его увидела, Нинка словно оглохла и перестала дышать. Какой он стал... Совсем взрослый... Юношеская тонкость черт и стройность фигуры исчезли, вместо развитого, но все-таки подростка, которого она помнила, пришел молодой мужчина. Она была потрясена. Однако, роль надо играть, и, пока Марина говорила о чем-то с Артемом, Нина с головой ушла в игру.

Никогда еще ей не приходилось играть с такой отдачей, она просто превзошла себя. Правда в ушах грохотало и сердце норовило выскочить из груди, но черт побери! Краем глаза Нинка видела, что он ее заметил!

Узнал? Не узнал?

Узнал...

Она поняла это по тому, как похолодел на мгновение его взгляд. Ее и саму захлестнуло на миг холодом. Но уже через секунду в глазах парня читался откровенный мужской интерес. Обжигающий, заставляющий ее чувствовать себя словно на сковородке.

Игра окончилась.

— Нина, — Марина позвала ее, свою часть работы можно сказать выполнила, осталось всего ничего.

Подошла, как ни в чем не бывало:

— Чего? — словно и дела нет до того красавчика, что стоит рядом.

— Знакомься, это... — только начала Марина, но Артем, криво усмехнувшись, перебил ее:

— Мы знакомы. правда Нина?

И взглянул так, словно с издевкой.

— А... Да, знакомы, — сухо так поздороваться, ни в коем случае не выдать свой интерес, — Привет Артем. Как жизнь?

— Хорошо, — он приподнял брови, разглядывая ее будто с удивлением, — А у тебя?

— Ну, я пойду, — вмешалась Марина, — У меня факультатив по химии.

— Ага, — ответили оба, не сводя глаз друг с друга.

Марина ушла, взглянув в последний раз на Нину и подумав про себя, что может ей самой Артем и нравился, но от таких ребят лучше держаться подальше. Такой жизнь ломает и не заметит. Мачо хренов. Но все равно, завистливый червячок-то в душе шевельнулся.

— Ну что? Сходим в кафе, посидим? — предложил Артем.

— Почему нет? — она чуть не померла от волнения, но вид имела скучающий и вроде

как незаинтересованный.

Будто ей не очень-то и хотелось.

А только он теперь был не тот мальчишка, которого она когда-то за дверь выставила, ему все эти ее уловки были совершенно прозрачны. И смотрел он на Нину уж точно не как на ангела.

— Иди, иди ко мне, птичка, — думалось Артему, — Ты мне за все ответишь.

Вот здесь-то и начинается этот кусок воспоминаний...

Вот... Чистый мед. Золотой мед...

Несмотря на все мстительные замыслы, что вертелись в его голове, когда Артем ее увидел... Нинку...

Очень глупо человек устроен, ему почему-то нельзя забыть первую любовь. Сколько бы их потом, этих любовей, не было. Просто иной мужчина ту девочку, по которой вздыхал в детстве, хранит в сердце светлым воспоминанием, чистым, невесомым и почти ненастоящим, а другой — прячет внутри, словно рану гноящуюся. Боится коснуться, боится разбередить. Боли боится, одним словом.

Но то крайности, а люди-то, они живые люди, а потому всего в них понемногу. И света, и чистоты, и грязи, и страха перед тем, что тебе снова причинят боль. Иногда этот страх так велик, что причиняет больше боли, чем сама боль.

Только это уже мысли ретроспективные, а в тот момент Артем был готов на многое, но сделал только одно.

С этого похода в кафе как будто начался новый виток в их жизни, стремительный взлет.

Идея его быть насмешливо-холодным и показать девчонке, кто теперь хозяин положения, провалилась с треском. Потому что, стоило им встретиться за столиком, стоило ей взглянуть на него своими глазами-вишенками и улыбнуться сочными губами, сказав какую-то шутку, он и сам не заметил, как превратился в 'того' Артема. В того самого, что готов был тогда весь день валяться с ней снегу, хохоча, как безумный, да бегать везде, взявшись за руки.

Да. Они смеялись, вспоминая, как играли в хоккей, как вырядили мальчишек в юбки, обо всем вспоминали. Только о том дне, когда он к ней в больницу пришел, ни он, ни она и словом не обмолвились, словно того дня не было.

А потом он проводил ее домой, долго стояли перед дверью, прощаясь. И незабытые чувства прорастали в них, но только чувства теперь были не те, что раньше. Сильнее они были. Эти чувства грозили их поглотить, сжечь, сплавить или уничтожить. Эрос.

Но вот она в последний раз сказала:

— До свидания, — и скользнула за дверь.

А он еще постоял несколько минут на лестничной площадке, а после, тряхнул головой, отгоняя наваждение, и вышел. Не хотелось идти домой. Артем чувствовал, что его распирает желание, женщину ему нужно. Женщину...

Позвонил к Черному, одному из своих дружков. Недолго переговорили, назначили встречу. Черный ждал его на квартире у подруги. Таких подруг, услужливых и на все готовых у них было несколько. А при желании, да за деньги, можно было и чего поинтереснее найти.

А деньги у Артема водились. Приехали новые девочки. Одна из них, хорошенькая, специально для Артема.

Черный ухмыльнулся:

— Гляди, какая. От себя отрываю. Цени.

И толкнул парня к девчонке, которая и так на него с любопытством поглядывала.

После того, как выпьешь определенное количество алкоголя, любая баба покажется красивой. Тем более, если ты молод и настроен на секс.

Но его черт побери! Не смог он с ней, не захотел.

Потому что она была не ОНА. Не она, видите ли!

Издевался над собой, а ничего не смог поделать. Ушел домой в стельку пьяный и злой.

А на завтра пришел к ней, к Нинке. Сразу после школы. Прошлись немного, она болтала о разном, он больше молчал. Молчал, чувствуя странную борьбу в себе, одновременно желая схватить ее, сжать, утащить куда-нибудь и... и не смея прикоснуться. Но отвечал ей четко, терял нити разговора и даже острил.

Нина что-то говорила, блестела глазками, вертелась, размахивая руками, чирикала. При этом осознавая, что трещит без умолку, как сорока. Что ведет себя неестественно. И думая постоянно о том, каково это, если он обнимет ее. Каково...

Так прошло несколько свиданий. А потом случилась эта пятница.

В тот день они были у Нины дома. Артем зашел за ней. Вообще-то она не хотела, чтобы Артем видел, в какой бедности они с матерью живут, Нина стеснялась этого с самого начала, и до последнего не хотела показывать ему свой дом. Но вот он вошел, и, казалось, ничего не заметил.

А он и не заметил. Не видел ничего вокруг, только ее. Сердце вдруг перестало помещаться в груди и забилося где-то в ушах, заставляя глохнуть и слепнуть, заливая горячей кровью голову, заставляя холодеть руки, сбиваться дыхание.

Они что, куда-то собирались пойти?

Артем развернул Нинку спиной к двери комнаты и заявил, что не выпустит, пока не поцелует. И не выпустил бы, не смог, его просто разрывало на части от сдерживаемого желания. Да и ее тоже...

Первый поцелуй и...она пропала. Треснула ледяная корка, взорвалась осколками, растаяла в огне. Пропала ледяная принцесса, влюбилась.

А потом было два месяца безумно счастливых встреч. У него, у нее.

Целовались везде. На стульях, на диване, на улице, в подъездах...

Вспоминая эти не имеют срока давности, они никогда не сотрутся из памяти Нины и не заслонятся другими. Никогда.

Мед. Чистый мед...

Но у нее был стержень.

Может, целомудрия и не стало, но того, что в ее понимании было недопустимо, Нина не позволяла. Как бы не кружилась голова от его поцелуев, а до последней черты она не доходила, и сохранение девственности до замужества было у нее пунктом с большой буквы. Непреодолимым пунктом номер 1.

Был еще и пункт номер 2, проявившийся тогда. Совершенно очевидно, что это счастливое безумие плоти внутреннее 'я' Нины подспудно воспринимало чем-то греховным,

грязным. Именно тогда и возникла эта странная привычка — постоянно мыть руки. Желание отмыть душу.

Иногда воспитание может сломать нам жизнь, а иногда и удержать от непоправимой ошибки. Угадать бы еще заранее, что чем окажется.

Женщины чувствуют немного не так, как мужчины, они не стыдятся эмоций. Эмоции удел женщин, так же как логика удел мужчин. А еще удел мужчин и их право — действие.

Артем ведь жил не на Луне, и не на необитаемом острове. Отнюдь. Его жизнь проходила в весьма своеобразной компании, сбитой компании. Все они были поделельники, и встречались постоянно по вечерам, когда у Черного, когда у него, когда у Веньки. Чаще всего у девиц. Поди, попробуй в такой ситуации что-нибудь утаить.

Разумеется, 'розово-лимонный Сингапур', так называл Черный то состояние влюбленности, в котором пребывал Артем, не осталось незамеченным. Сначала ребята поржали: ничё, несколько дней — и все пройдет. Не прошло.

Пожали плечами и решили, подумаешь, блажь, и просто ждали, когда пройдет эта блажь. Потом стали недоумевать. На фоне всеобщего благостного совместного пользования 'дамским имуществом', этот его 'Сингапур' выглядел как-то нелепо. Черный даже стал проявлять озабоченность и намекнул девчонкам, что парень нуждается в особом внимании.

Девушки решили действовать по-своему, его стали усиленно обхаживать. На спор, кто его первой в постель затащит. Смешно звучит, но девушки обломались. Вот тогда Черный забеспокоился всерьез. Еще бы. Его друг становился непригодным для общества прямо на глазах. Тогда Черный не выдержал.

В тот раз они сидели у Ларисы, у нее были клевые диски. Выпили, покурили, как всегда. Черный возьми и скажи:

— Не нравишься ты мне, брат.

— А я не девка, чтобы нравиться, — буркнул Артем.

Доставать его стало даже интересно.

— Ну, как там твоя чувиха?

Он был зол. Сегодня она опять довела его до какого-то сумасшествия... и ничего. За последние два месяца он просто устал постоянно ходить на грани. Парня это уже начинало сильно доставать. Надо уже или туда или сюда. Так что вопрос Черного затронул болезненную тему.

Артем глянул на него исподлобья и отвечал:

— Нормально.

— А что так мрачно? Что не дает?

Нет?! Это что так явно заметно? Что, у него на лице написано, да?! Что, написано?! Но он взял себя в руки и спокойно ответил:

— Я сам не хочу.

— Да ну? То-то ты постоянно со стояком ходишь, — Черный не желал утомиться.

— Не твое дело, — огрызнулся Артем.

— Значит, не дает... — он сделал притворно сочувственное лицо и поцокал языком.

Издевается. И тут что-то щелкнуло в голове у Артема.

На эту тему они с Ниной препирались каждый день. Яростно, но молча. Без слов. Он завлекал ее дальше и дальше по той безумно сладкой, липкой и скользкой дорожке, а она липла, скользила, скользила... И все-таки в последний момент останавливалась. И так каждый раз. Эта мысль зрела давно, сейчас она просто окончательно оформилась.

— Я сам не хочу, — проговорил Артем сквозь зубы, — А захочу, даст.

— Да ну, так я тебе и поверил! — вмешался Венька, даже перестал зажимать хозяйку.

— Тема, видишь, народ не верит. Девушки, вы ему верите?

Девчонки тут же подхватили нить и дружно зашумели:

— Нееееет!

— Докажи, — сказал Черный.

Нина заметила, что в последнее время Артем постоянно мрачный, понимала, его их отношения не удовлетворяют. Но и пересилить себя, дать ему то, чего хочет... Чего ей самой хочется...

Нельзя. Непреодолимо.

Но она же видела, парень обижается и отдаляется от нее! И Нина уже не знала, что делать, потому что потерять его теперь не могла.

Тот ночной звонок застал ее врасплох.

Артем никогда раньше не звонил ей по ночам. Она знала, что у ее парня есть друзья, с которыми у него какие-то дела. Артем не стал вдаваться в подробности, а ей было не особо интересно. С одним из них, с Черным, даже познакомил.

Но больше не знакомил ни с кем, и никогда не брал ее с собой, если шел на какие-то свои встречи. У Нины даже создалось впечатление, что он ее то ли стесняется, то ли прячет. Пока он приходил каждый день, пока они были вместе и целовались как безумные, ей было безразлично.

Он все спрашивал ее, любит ли она его, словно сомневался. А она отвечала, что любит, что любит...

Эта его мрачная замкнутость в последние дни...

Тот ночной звонок застал ее врасплох. Звонил Артем.

— Не спишь?

Нина ответила, что не спит. Из трубки доносились голоса, хохот и звуки музыки. А голос у Артема был какой-то странный. Какой-то грубый и напряженный. Он выпивший.

— Скажи, ты любишь меня?

— Ты же знаешь, — прошептала Нина.

— Скажи, — дышал он в трубку.

— Люблю.

— Громче!

— Люблю!

— Хорошо. А если любишь, значит ляжешь со мной, — какой-то пьяный надрыв слышался ей его в голосе, — Ляжешь?

Ей показалось, если она сейчас ответит 'нет', он больше не никогда придет. Исчезнет навсегда из ее жизни. Слезы покатались из глаз.

— Ляжешь?! — безжалостно давил Артем.

— Да, — мертвым голосом ответила Нина.

Артем повесил трубку.

Что это было...

Начало конца.

Как может мед в одночасье превращаться в горечь? В черную, беспросветную горечь?

— Что-то непохоже, что она собирается сдержать свое слово, эта твоя Нинка, —

издевательски хмыкнул Черный.

— Заткнись, — зло прошипел Артем.

Их разговор слышали все. И все теперь насмешливо ухмылялись. У него от злости пошла кругом голова. А Черный продолжал вещать менторским тоном:

— Ты думаешь, ты хозяин положения, да? Ни хрена. Это она тебя за *** держит. И как на поводке водит, — он засмеялся, — По воду поведет и без воды приведет. Телок, б****ь. Наивный чукотский мальчик.

Слова были произнесены вовремя. И упали как зерна в унавоженную почву.

Артем и сам потихоньку дошел бы до этого, во всяком случае в тот момент так ему показалось. Слова Черного и насмешки только ускорили процесс и подстегнули его принять правильное решение.

Он и раньше все ждал, когда же она его предаст снова. Когда решит, что довольно поиграла в любовь, и бросит его. Как уже бросила тогда, в первый раз. Он целый год не мог избавиться от боли, от самой настоящей боли в груди. Сс***ка...

Но теперь он не даст ей такой возможности.

Он бросит ее сам. А она пусть попробует, каково это, когда...

Артем задохнулся воспоминаниями о том, что испытывал когда она просто отшвырнула, как надоевшего щенка.

Нет. Этого больше не будет.

Он рассмеялся. Холодно, зло.

— Ошибаешься, Черный. Я сам буду решать, чего делать и как жить. И она мне без надобности.

— Да ну, брось, — удивился тот.

— Да. мне никто не указ, — Артем встал, выцепил ближайшую девчонку, что сидела тут же, спросил, — Пойдешь со мной?

Та оглядела его с ног до головы. Красавец. При бабках. Вытаращила красивые синие глазки:

— Ты чё, издеваешься? Конечно!

И засуетилась:

— Ребят, мы пошли, не ищите нас! — и потянула его за собой.

— Эй! Послушай, Артем! Ничё, если к твоей Нинке подкачу? — крикнул вдогонку Черный.

— Делай, что хочешь, — не оборачиваясь ответил он и вышел за дверь.

Было ему все равно?

Нет.

Но от той злости, что сжигала изнутри, он стал почти бесчувственным.

Да! Ему было все равно!

Нина долго смотрела на трубку в своей руке. Гудки. Отбился.

Она чувствовала себя застывшей и больной. Хотелось сглотнуть, но никак не удавалось проглотить тот ком, который встал в груди, мешая дышать. Плакать. Хотелось плакать, но слезы тоже застыли.

Проснулась мама, вышла в кухню, с удивлением глядя на Нину.

— Ты чего не спишь? — пробормотала хрипло сонным голосом, выпила воды.

Девушка все так же сидела с трубкой в руке. Мать подошла, взяла телефонную трубку из

негнущихся пальцев, погладила ее по лицу.

— Иди спать. Иди, утро вечера мудренее. Иди, завтра контрольная, а ты сидишь, вон, полночь.

Нина ничего не ответила, молча пошла спать, мать глядела ей вслед, качая головой. Маленькие детки — маленькие бедки...

Выросла девка, теперь глаз да глаз за ней.

Матери не нравилось, что она любовь крутит с этим Артемом, он, по глазам видно, хваткий, такой долго вокруг да около ходить не станет, ему все и сразу подавай. Да и вообще, какое им время... Выпускной класс, экзамены на носу, а у нее тут — любовь! Вон, с учебой уже стало хуже. Не провалила бы...

Беспокойно было матери, но Нинке верила. Не так она ее воспитала, чтобы девчонка по наклонной плоскости покатилося. Упаси Боже.

Забившись в постель, Нина долго лежала, уткнув нос в подушку, все думая об этом ночном звонке. Потом, наконец, уснула.

Новый день принес новые неприятности.

Годовую контрольную по математике Нина написала на дохлую тройку. Оценки еще не объявляли, она просто знала, что из десяти заданий с трудом сделала три. Но это было не самое страшное. Кое как высидев оставшиеся уроки, Нина плюнула на дополнительные занятия по лит-ре и побежала домой. Ее весь день не оставляло противное предчувствие надвигающейся беды.

Совсем как в том мультике, предчувствия ее не обманули. Артем днем так и не появился, и дозвониться до него было невозможно. Никто не брал трубку. Она ждала его до вечера, а потом поняла, вчерашний звонок его был неспроста. Случилось что-то?

Нина уже не думала о том, что он, когда звонил вчера, вел себя странно и говорил странно. И о своей обиде не думала. Вдруг с ним что-то случилось...

У Артема была такая черная записная книжка с телефонами и адресами. Для дела, говорил он. А имен там был очень много. И мужских, и женских. Как-то он звонил при ней кому-то, Нина случайно увидела номер его друга, Черного, и зачем-то запомнила. Вечером, отчаявшись дозвониться до Артема, от разных мыслей, одна нелепее другой, у нее уже голова пухла и тревожно сжималось сердце, она решила набрать тот номер.

Парень ответил сразу, будто ждал звонка.

— Да, — чуть хрипловатый резкий голос.

— Здравствуй, — дальше слова не полезли, свело горло.

— Здравствуй, — недоумение.

— Я... — Нина никак не могла пересилить себя.

— Девочка, тебе чего? — Черный стал проявлять раздражение, — Говори давай, не тяни время, я звонка жду.

— Я... Извини, ты не знаешь, что с Артемом? — от волнения руки вспотели и трубка ерзала в мокрых ладонях.

— С Артемом? А что с ним? Эй, слыш, Венька, чё там с Артемом?

Из трубки слышались какие-то приглушенные разговоры, потом Черный вернулся и недовольно спросил:

— А тебе чего от Артема нужно? Ты вообще кто такая и зачем звонишь?

— Я... Я Нина... — выдавила она наконец.

Тон у парня мгновенно изменился, сразу появилась какая-то странная заинтересованность:

— Нина? Это та его подруга?

— Да, — настороженно ответила Нина, не понравился ей этот внезапный скачок настроения.

— Ни-и-и-и-на... — протянул вдруг Черный, потом как-то без перехода включился деловой тон, — А Артем сейчас занят. Дела у него. Неотложные.

— Занят? — не поняла Нина, — Чем занят?

Странно, что за дела такие у Артема? Какие могут быть дела у десятиклассника? Тем более что экзамены на носу. Миллион разных подозрений, одно другого хуже, пронесли у нее в голове.

— Он... Занят он. Но если хочешь, я тебе все расскажу. Давай встретимся? — снова

непонятный затаенный интерес.

Ей надо было узнать, куда Артем пропал, и вообще, что с ним. Она с ума сходила от неизвестности.

— Давай, — ей удалось справиться с собой, голос даже казался спокойным и равнодушным.

— Хорошо, — и непонятное удовлетворение в голосе, — Ты сейчас можешь? У меня как раз пара минут свободных есть.

— Я смотрю, ты очень занятой?

— Я? — Черный хрипло рассмеялся в трубку, — Ты даже себе не представляешь. Ну так что?

Время было семь часов. Мать придет примерно через час.

— Где встречаемся?

— В парке пойдет?

— Пойдет, — пробормотала Нина.

— Тогда жду тебя у входа через двадцать минут, — сказал Черный и отбился.

Когда он с довольным видом положил трубку, Венька перекосялся.

— Чего? — с вызовом спросил Черный.

— Артем может не так понять.

На эти слова Черный просто криво ухмыльнулся и цинично бросил:

— Потом мне только спасибо скажет.

Парк был в десяти минутах от Нинкиного дома.

Собираться ей было всего ничего, а сидеть дома и ждать лишних десять минут сил не было. Она глянула на себя в зеркало и тут же вышла.

Пока Черный насвистывая пошел переодеваться, Венька не утерпел, позвонил Артему. Тот отвечал неохотно, Венька отвлек его от приятного разговора с очередной девчонкой, которую он клеил и уговорил пойти к нему. Разговор как раз готовился перетечь в горизонтальную плоскость.

— Да.

— Артем, тут такое дело, звонила твоя Нинка.

Парень напрягся, но слушал молча.

— Черному говорю, звонила. Про тебя спрашивала.

— И что? — Артема стала намного душить футболка.

— Ну, Черный ей предложил в парке встретиться. Поговорить. О том, о сем. Сам понимаешь...

— Согласилась?

— Согласилась, — ответил Венька.

Девчонка, сидевшая рядом потянула Артема за локоть, видя, что тот сжался, как перед прыжком. Он думать забыл о ней, и теперь просто раздраженно сбросил ее руку и рывкнул:

— Отстань!

— Да пожалуйста! — обиделась та на его внезапную перемену настроения, — И вообще, пошел ты...

Девчонка ушла, оскорбленно хлопнув дверью, а он и не заметил. Он переваривал услышанное.

— В парке, говоришь...

— Ага, у входа, — Венька на том конце сопел в трубку.

— Когда?! — ему казалось, что говорит он спокойно, но Венька услышал рычание.

— Сегодня, в 19.20, — Венька заметил, что Черный возвращается, и заторопился, — Ну бывай, брат.

Артем этого уже не слышал. Он сидел, сжимая в руке трубку так, словно хотел раздавить ее. Потом резко поднялся и вышел.

19.05. Он должен успеть раньше.

Было больно дышать. С какой легкостью она снова предала его. Всего один день, а она уже согласилась пойти на свидание к Черному.

Взглянуть ей в глаза. Посмотреть, как она будет юлить и выкручиваться.

Он сорвался на бег.

В его мыслях в тот момент, как впрочем, и в поведении, было мало логики. Тем более что сам Артем за прошедшие сутки вообще пошел в разнос, будто наверстывал упущенное. Хотя у всего этого был горький привкус. Много ли удовольствия будет, если ты нагло спишь с кем попало, лишь бы доказать девчонке, что она тебе не нужна?

Вернее, доказать себе, что она тебе не нужна.

Нину он увидел издали, она стояла у входа в парк и поглядывала на часы. 19.15. Черного рядом с ней не наблюдалось. Артем сначала замер, а потом стремительными шагами пошел к ней.

— Надо же! — зло съехидничала мысль, — Так спешила к Черному, что даже притащилась раньше!

И тут она его заметила.

В жизни Нины Курбановой было много воспоминаний. Разных, горьких, сладких, тошных, светлых, пронзительных. Но это было одно из самых горьких и пронзительных одновременно.

Ее словно волной кипятка окатило и сразу же заморозило. Дыхание зашлось, а сердце на миг встало, а потом отмерло и заколотилось как бешеное. Нине даже показалось, что он сейчас растает, наверное, потому что зрение слегка расфокусировалось. Но первый момент неожиданности прошел, и нахлынула радость. Пришел.

Пришел.

Но только от его непонятного, какого-то угрожающе-озлобленного вида постепенно радость схлынула, осталось недоумение. Откуда вдруг это презрение в его глазах? Боже...

Неужели...

Неужели это оттого, что она согласилась... Это что, была такая проверка...

И теперь уже не чистую радость выражало ее лицо, на нем был написан страх.

Он видел, как изменилось выражение ее лица. Видел этот проклятый страх в ее глазах!

Боится.

Так значит, поманил ее Черный — и она к нему. К нему! А его динамила черти сколько времени! Чтобы потом нехотя сквозь зубы процедить "да"?! Как кость собаке! Подавись!

Артем собирался подойти и поговорить с ней. Поговорить, черт бы ее побрал. Чтобы понять, что есть в других, чего у него нету, почему его нужно постоянно отталкивать.

Самое странное состояло в том, что Артем прекрасно осознавал, Нина в его жизни была

как цветок в проруби. Не укладывалась она в его жизнь. Не место ей там было. Потому и не знакомил он ее ни с кем из своих. Дерьмо поел, как-то познакомил с Черным! Он же редкий падалыщик, сколько девчонок перепортил. И сейчас явно свои лапы к ней потянет. Это переворачивало его душу. Хотя, Артем понимал, что сам он ничуть не лучше Черного. Просто Нинка для него особенная. Ему бы с собой разобраться...

И сейчас он шел к ней, чтобы разобраться. Но в это время к самому входу в парк подкатило такси, и из него эффектно появился Черный.

Когда он его увидел...

Черный свое прозвище получил за то, что обожал черную одежду. Красивые вещи, всегда черного цвета. Он мог себе позволить. Он много чего мог себе позволить, и тряпки, и баб, деньги у Черного водились. Когда Артем его увидел, понял, что тот специально одевался, чтобы произвести на Нинку впечатление. Мгновенно всплыл в памяти тот разговор:

— ... Ничё, если к твоей Нинке подкачу?

— Делай, что хочешь, — ответил он тогда.

Получается, он и делал. Быстро. Быстро подсуетился.

Артему захотелось впечатать кулак в ухмыляющуюся рожу Черного, а ее... Ее просто уничтожить.

Парень развернулся и ушел. Потому что останься он сейчас, не миновать драки. А он хотел отомстить. Чтобы им было также больно, как больно сейчас ему.

Но месть блюдо холодное.

Не подошел, даже не поздоровался. Нина осталась стоять, ощущая, как холодным пеплом покрывается сердце. Это конец. Это и правда, конец.

Почему? Еще несколько дней все было хорошо. Как, почему это происходит? Как счастье оборачивается в одночасье бедой? Почему?

Черный что-то говорил, покровительственно улыбался.

Надо собраться. Артем ее бросил. Но может...

— Что ты сказал?

— Пойдем, говорю, пройдемся, мороженого поедем?

Он оглядел ее опытным взглядом, сколько раз приходилось "утешать" таких вот расстроенных цыпочек. Из них потом получают отличные подстилки на одну ночь, иногда даже и больше. Эта казалась ему немного странной. непривычной. Черному редко приходилось общаться с ей подобными. Не его круг. Но интересная, ничего так, девчонка, свеженькая. А еще было ужасно любопытно, чем же она так Артема зацепила. Тот ведь был признанный красавец, девки так на нем и висли.

Нина шла рядом с этим уверенным в себе и хорошо одетым парнем, не слыша слушала, что он ей говорит, а в душе разрастался холод. И обида. За что? И все-таки хотелось верить, что всему можно найти объяснение. Неожиданно она спросила:

— Ты обещал рассказать, что за дела у Артема, — голос был серьезен, в нем читалось упорство.

Тот осекся на полуслове. Оглядел ее странным взглядом. Да, разбитой она не выглядела, несчастной — это да. Но не уничтоженной. Так значит, бороться за свое счастье решила? Черный даже внутренне расслабился от предвкушения. Ну, девочка, держись. сейчас ты получишь такую информацию к размышлению...

Возможно то, что Нина уже была не в себе, от этой встречи с Артемом, и защитная реакция подсознания притупила все ее эмоции, было хорошо. Потому что слышать, пусть и с намеками и оговорками, что Артем и вся его компания занимаются фарцовкой, джинсы, диски, прочее тряпье, а на те деньги, что зарабатывают покупается алкоголь, наркотики и... женщины...

Сердце застывшее от обиды уже не могло застыть больше. Наверное. Но вот болеть оно могло.

Черный внимательно всматривался в ее лицо, стараясь уловить момент, когда же та упадет в слезливую истерику. Момент как-то затягивался, да, девчонка была в шоке от услышанного, но каким-то чудом держалась. И тут он понял. Гордость. Гордость, блин!

Парень, несмотря на свой юный возраст (Черный тоже учился в десятом классе и в этом году оканчивал школу), был законченным циником. Образ жизни накладывает отпечаток. Но, несмотря на весь свой цинизм, он проникся к этой девочке своеобразным уважением. Даже возникла какая-то странная потребность отбить ее у Артема для себя, и не просто как подстилку. А потому стал внимательнее к ней приглядываться, попутно выливая ей всю "подноготную" на Артема.

Самым последним и особенно болезненным в его рассказе было то, что все, с кем общается Артем, якобы советуют ему прекратить встречаться с ней. Нина слушала молча. Но если бы слова могли оставлять раны на теле, она уже была бы вся в крови.

Какое-то недолгое время, минут наверное пять-десять, они еще прогуливались по аллее. Черный хотел купить ей мороженого, и потянул ее в сторону ларька, однако девушка остановилась на месте, ей стало нелегко продолжать.

Домой. Домой, залезть с головой под одеяло, и там, укрывшись в темном коконе от всего мира, осознавать, упиваться болью, копаться в своей ране...

— Прости, мне нужно домой. Мама через четверть часа с работы придет, — рассеянно оглядываясь по сторонам, проговорила Нина.

— Да ладно, чё ты... — начал было Черный.

Но она перевела на него взгляд и повторила:

— Мне надо домой.

— Ну... ладно. Но ты не пропадай. Звони. Слушай, я сам тебе позвоню! Скажи свой номер телефона, — внезапно активизировался Черный.

Анестезия еще действовала, заторможенное сознание решило, почему бы и не сказать? Нина назвала номер, он записал его на пачке от сигарет.

— Пока, — вяло и безэмоционально проговорила девушка и пошла на выход из парка.

Парень смотрел ей вслед и проникался все большим интересом. И уже она ему стала казаться очень хорошенькой. Он "настроился" на нее, а Артем...

А что Артем? В таких делах нечего клювом щелкать.

Черный пошел к себе, думая, что совсем не зря решил заняться этой девчонкой. Не то, чтобы он влюбился, просто она была необычным блюдом в его рационе. Прелесть новизны.

Что было с Артемом?

Его почти не было. Потому что так напиться, чтобы валяться потом в бесчувствии, предварительно излупив кулаками какие-то стены, что маячили перед залитыми водкой глазами — это и значит впасть в небытие.

Мама пришла чуть позже, чем обычно. Состояние Нины не осталось для нее незамеченным.

— Случилось чего?

— Нет, — проговорила та, просто голова болит.

Мать тяжело вздохнула. Знаем мы эти головные боли. Поневоле тревожная мысль полезла в голову, как бы девка в подоле не принесла...

— Ниночка... У тебя... С тобой правда все в порядке?

Понимая, о чем тревожится мать, Нина ответила:

— Со мной все в порядке, мама. Поверь.

Не совсем поверила, но погладила дочку по волосам и решила оставить в покое. с точки зрения матери, разбитое сердце было не самым страшным, что может приключиться с молодой девушкой, но чисто по-женски ей было Нину жаль.

Предоставленная самой себе Нина все думала и думала. Отчего так, почему именно в этот момент? Не врет ли ей Черный? Он не показался ей неискренним, когда говорил, но в нем все равно подспудно чувствовалась... что-то...

Итак... Волшебный мир, в котором она жила разрушился.

Однако, принимать вот так на веру слова Черного, ей казалось неправильно. Нина решила завтра же встретиться с Маринкой и расспросить ее обо всем.

Переносясь памятью в прошлое, Нина Степановна могла бы сказать, что с точки зрения ее сегодняшней все сделала бы по-другому. Никогда не стала бы...

Но... Тогда ей 16.

И то, что она чувствовала и делала, было единственно правильным. Так ей во всяком случае, казалось. Тот период жизни, если смотреть на него с высоты прожитых лет, можно было бы сравнить с какой-то безумной воронкой, в которую еще нещадно затягивали чувства, обстоятельства, поступки. Свои и не только.

Марина, с которой она встретилась после уроков и просила рассказать про Артема, узнать, есть правда ли в словах Черного, только отвела глаза. А потом довольно долго и путано объясняла. Что да. Нехорошая у него слава. Да, дружки. И да... женщины... Правда заметила, что в последние пару месяцев он вел себя немного иначе. Ну, в смысле женщин...

У Нины было такое чувство, будто сердце вырезали и вытащили, но кровь почему-то не течет. Толкается наружу, но не течет.

— Спасибо, — прошептала она мертвыми губами.

Марина поморщилась, как-то съежилась и проговорила, глядя в сторону:

— Я думала ты знаешь... У нас все его знают. И эту компашку его...

Да уж... Компашка его была на всю школу известная. Легкое поведение среди девчонок в те времена не приветствовалось. Да и среди парней тоже. еще эта фарца...

Когда они расставались, Марина озабоченно спросила:

— Слушай, а почему ты спрашиваешь об этом сейчас?

Нина усмехнулась мрачно:

— Так, поговорила кое с кем. Глаза открыли.

— С кем? — пристально посмотрела на нее Марина.

— С Черным.

Подруга даже изменилась в лице.

— Нина... Ты с ним поосторожнее. Про него совсем такое рассказывают...

Да. Теперь она будет поосторожнее. Теперь она... будет... как же она теперь жить будет... Как...

Был май месяц, впереди маячили выпускные экзамены в 10 классе. А Нина не могла к ним готовиться. Была раздавлена полностью.

Звонил Черный, звал встретиться. Отказалась, сказала, к экзаменам готовится.

От Артема нет вестей. А сама и позвонить ему не могла, и жить без него не могла. Каждую минуту ждала, что придет и скажет, что... что любит... Мысли, что крутились в голове, были только о нем. Все о нем. Не верилось никак, что враз все может закончиться. Не укладывалось в голове. Она все время мысленно с ним разговаривала, доказывала, что он неправ! Неправ.

И ночной тот звонок телефонный не шел из памяти. Почему она тогда согласилась... Нельзя было соглашаться... Горько было сознавать, что привлекала она его, только пока была недоступной. А как же любовь? Как же ее любовь? Она что, ничего не значила? Не нужна была...

Вернуть бы сейчас то блаженное бесчувствие...

Вернуть бы то блаженное бесчувствие в котором был вчера ночью. Но жизнь наваливалась безжалостно жестоким похмельем и тупой режущей болью в сердце. Видеть Артем никого не хотел и не мог. Разумеется, ни в какую школу он сегодня не пошел, продрых почти до вечера. Пробуждение не было приятным, пробуждение снова макнуло его в вчерашнее.

Но на этот раз он все сделал правильно.

А она... Снова предала его, как тогда.

Перед глазами ее лицо, страх при виде его. Боялась? Значит, было за что?

Снова кулак врезается в стену. Боль в сбитых костяшках.

Черный... Тварь. Артем поклялся себе, что припомнит ему это.

Но он не даст повода смеяться над собой, он не покажет, как ему больно.

Ему все равно. Да. ему все равно.

С работы пришла мать. Неодобрительно скривилась. И прямо с порога начала. как заведенная. Надоела!

Артем не мог ее слушать, и так голова лопалась, а тут еще она со своим пилежом. Словно иголки в мозг втыкает.

Мать крайне неодобрительно смотрела на его образ жизни вообще, но со временем смирилась. Выхода особого не было, парень давно считал, что сам себе голова, но даже она не смогла удержаться от того, чтобы не выразить ему свое неодобрение. Ее можно понять, пьяный до бесчувствия буйный сын — это уже как-то за пределами того, на что можно закрывать глаза. Он мог ее понять. Он был сам себе отвратителен. Но он не мог терпеть, когда она об этом говорила.

Обычно, когда начинались материны нотации Артем уходил к Черному, но сейчас при одной только мысли о нем в душе поднималось тошное чувство и чесались кулаки. Нет к

Черному он не пойдет, во всяком случае, не сейчас. Он пошел к Веньке, предварительно позвонив, чтобы ни на кого не нарваться.

Венька Слепцов в их компании был на особом положении. Венька был вроде как богема. Во-первых, он изначально был из достаточно обеспеченной семьи, к тому же, предки его часто и надолго уезжали по работе, а его оставляли с бабушкой. Баба Нюся внука просто обожала, друзей его всегда пирожками закармливала, и когда они собирались у внука в комнате, с расспросами не лезла. Предполагалось, что дорогой мальчик ничем плохим заниматься не может. В общем-то, он и не занимался, он был примкнувший к «элитной» компании в силу своей общей исключительности. А во-вторых, он играл на басу, т. е. у него была басу. Что тоже делало его в глазах бабушки почти божеством.

Отношения с Венькой были нормальные, можно сказать дружеские. Артем, кстати, тоже неплохо играл на гитаре, увлекался музыкой, даже что-то такое сочинял сам. Больше всего ему нравилась группа Led Zeppelin, что в общем-то не удивительно, рок в те времена поглотил умы «продвинутых» подростков. Вот на почве совместного увлечения музыкой, они с Венькой и сблизились больше, чем с остальными.

С Черным и с четвертым парнем из их компании Гариком (Черный и Гарик ближе общались между собой) у Артема были больше деловые отношения. И сейчас, под влиянием личных чувств, эти отношения с Черным грозили затрещать по швам.

Открыла Венькина бабушка.

— Тёма, здравствуй, — бабуля оглядела его с ног до головы и нахмурилась, — Ты не заболел? Как-то неважно выглядишь...

— Нет, баба Нюся, со мной все в порядке, — пробормотал Артем, пряча сбитые кулаки в карманах, — Веня дома?

Он звонил перед тем, как прийти, но чтобы избежать бабкиных расспросов, надо было как-то ее отвлечь.

— Дома. Занимается, — баба Нюся с готовностью закивала.

— Так я пройду? Будем вместе к экзамену готовиться, — проговорили Артем кивая на дверь.

— Ой, милый, что же это я... Проходи! Фух, совсем уже мозги заморочились... А ты ж наверное есть хочешь? — засуетилась старушка, пропуская Артема, и выкрикнула, стараясь заглушить музыку, несущуюся из комнаты внука, — Веня! К тебе Тёма пришел!

— Ладно, ба, Тема иди сюда! — донеслось оттуда, — Ба! Пирожков принесешь?

— Хорошо, — бабушка умиленно улыбнулась на просьбу внука, а потом обратилась к Артему, — Тёмочка, вот скажи мне, как можно заниматься в таком грохоте?

— Ну... — начал было Артем.

Но бабка не слушала, ей и не нужен был ответ.

— Этот оболтус говорит, что так ему легче усваивать материал, — баба Нюся подкатила глаза, — Тёмочка, вам с чем пирожки: с картошкой или с капустой?

При мысли о пирожках Артем сглотнул голодную слюну.

— Обои, баба Нюся. То обе... тьфу ты... то есть и те, и другие.

Бабушка понимающе засмеялась, покачала головой и пошла на кухню. Артем смотрел ей вслед и завидовал. По-настоящему, по-доброму, по-человечески завидовал тому, что Веньку дома любили. Да, будь у него такая баба Нюся...

Дверь в Венькину комнату приоткрылась, и оттуда послышался его голос:

— Заходи!

Артем зашел и прикрыл за собой дверь. Венька взглянул на него, оценил похмельную помятость физиономии, сбитые костяшки тоже не остались без внимания. Однако он деликатно промолчал, спросил просто:

— Ты как?

— Голова трещит. Сделай звук потише.

Венька без слов просто выключил музыку и повторил вопрос.

— Нормально, — ответил Артем, и развалился на его кровати.

— Слушай, если тебе хреново...

— Нормально мне! — и кто бы сказал, почему он стал раздражаться?

Потом, помолчав пару минут, спросил:

— Что нового?

Внимательно взглянув на него, Венька стал рассказывать, что было в школе, старательно обходя все, что на его взгляд было лишним.

— Хорошо, — глухо ответил Артем, — Больше ничего интересного не случилось?

Он бы умер, но не признался, о чем ему на самом деле спросить хочется.

— Ничего, — ответил Веня, понимая, о чем тот умолчал.

В этот момент как раз баба Нюся с пирожками возникла за дверью.

— Веня, я пирожочков принесла.

Артем еще раз вздохнул от зависти, бабушка у друга была дрессированная, никогда без предупреждения в комнату не входила.

— Неси, ба!

Пирожки были горячие, румяные и архивкусные. К ним еще прилагался сладкий чай.

— Кушайте мальчики, вам много сил нужно, чтобы к экзаменам готовиться, — бабушка поставила поднос и так же тихо исчезла, одарив их напоследок теплой улыбкой.

— Завидую я тебе, — не выдержал Артем, надкусывая пирожок.

— Угу, — невнятно пробубнил тот с набитым ртом, — Ба эксперт по пирожкам.

— Дурак ты, Венька, — хотелось ему сказать, что не в пирожках дело, ну да ладно.

Зазвонил телефон. Черный спрашивал, не видел ли Венька Артема, мол, дело есть. Артему стало вдруг тошно, изнутри злость поднялась, он сделал знак, что его нет. Тот только удивленно приподнял брови, но ответил, что не видел, невольно задумавшись, что же такого происходит, раз Артем проигнорировал дела. Дело — это святое, и никакие чувства не должны к этому примешиваться.

Видать все серьезно там с этой девчонкой. А если серьезно, то почему Артем так странно себя ведет? Вот как есть, все зло от женщин! Веня сам никогда не испытывал мук любви по-настоящему, иначе он бы понял, насколько эта фраза правдива.

Черный Веньке не поверил. Слишком уж неискренне тот рассказывал, что Артема не видел. А потому решил сам наведаться и проверить.

Прошло уже больше часа, как Серафима Петровна, вернулась с работы, и все это время она незаметно поглядывала на дочь. Нина сидела не шелохнувшись, глядя в одну точку невидящими глазами. Брови ее иногда хмурились, голова иногда дергалась в сторону, так словно она разговаривала сама с собой. Наконец мать не выдержала:

— Нина, сходи во двор, прогуляйся. А то совсем с этими экзаменами ум за разум зашел. Пройтись?

— Только недолго, скоро стемнеет.

Пройтись. Пройтись можно. На скамейке посидеть.

Она встала, накинула ветровку и вышла, мать бросила вслед:

— Долго не сиди!

— Хорошо, — еле слышно ответила девчонка.

Наружная дверь закрылась.

— Совсем не в себе девка, еще завалит экзамены чего доброго... — пробормотала она, увидев на столе толстую тетрадку с вырезками из журналов.

На вырезках были патлатые парни с гитарами и написано не по-русски. Женщина с неприязнью прикоснулась к тетрадке, но убрать не посмела. Дочь тряслась над ней, как же, Артем этот притащил! Мать вздохнула, некстати вся эта любовь, совсем некстати. Ей сейчас заниматься и заниматься надо, выпускные на носу, а потом в институт поступать надо, Нинка неглупая девчонка, да и училась вроде неплохо. До последнего времени, пока с этим Артемом не начала встречаться. Не вызывал Артем у Серафимы Петровны положительных эмоций. Вот не вызывал, и все!

Минут десять прошло, как ушел от него Артем, как Веня услышал голос Черного из прихожей:

— Здрасьте, баба Нюся, — и прежде, чем бабка успеет что-либо ответить вылез наружу.

— Привет, Черный. Заходи, — для верности он даже подхватил парня под руку, затаскивая в комнату, а бабушку решил нейтрализовать и озадачил, — Ба! Нам еще пирожков напеки!

Бабушка в изумлении взглянула на внука, пожала плечами и ушла в кухню. Но Черный заметил некоторую странность в их поведении. Андрей Ковальчук по прозвищу Черный на самом деле был неплохой психолог для своего возраста. Не будь это так, не выгорали бы так удачно его сделки. Да и наблюдательностью парень отличался, так что вторую чашку, которую Веня спешно запихнул на полку, тоже заметил.

— Веня, что-то ты нервный какой-то? — лениво протянул он, подбирая с тарелки еще теплый пирожок, — Мммм... С капустой! Мои любимые.

Веня включил музыку погромче и с невинным лицом пожал плечами:

— А, бабка достала. Соседи, мол, на шум жалуются.

— Мммм, соседи? — Черный откинулся в кресле, а потом вдруг спросил, — Артем куда пошел?

Веня аж дернулся:

— А я откуда знаю? Он мне не докладывал!

— Зато ты кое-что ему докладывал, так?

На это Веня принял расслабленное выражение, он тоже прекрасно умел держаться, когда хотел, и протянул, хрустнув пальцами:

— А ты думал, что он никогда не узнает, что ты к его девчонке подкатываешь?

— Мне плевать, что он думал! — неожиданно зло ответил Черный, — Он мне сам ее уступил.

— Да? Возможно, он погорячился?

— Плевать.

— Слушай, Черный, — голос Вени стал вкрадчивым, — Зачем тебе эта Нинка? Неужели она стоит того, чтобы с Артемом ссориться?

— А я и не собирался с ним ссориться, — Черный потянулся за еще одним пирожком, — Ни одна девчонка не стоит того, чтобы из-за нее дела страдали.

— Тогда зачем ты влез в это?

— Он сам сказал, что ему безразлично, — пирожок был съеден, а за ним и другой.

— Мне так не показалось, — просто ответил Веня, поглядывая в угол.

— Да? Ничего, это у него пройдет. Поймет, что все они одним миром мазаны, и успокоится. Ладно, Веня, пойду я. Дел по горло. Завтра у Лариски, бывай.

— Бывай, — ответил Веня, провожая его взглядом.

Думая про себя, что Черный зря затевает всю эту возню, но к его мнению, видимо, никто не собирается прислушиваться. Черный ушел, а в Венину комнату заглянула бабушка с тарелкой пирожков:

— Веня, внучек, а куда мальчики разбежались? — удивленно спросила она.

Баба Нюся привыкла, что те если засядут у внука в комнате, так засядут надолго.

— По делам пошли, ба, — ответил внук и забрав пирожки снова заперся у себя в комнате.

Но бабушки, они все чувствуют, от них не спрячется ни хитрость, ни озабоченность. Бабка сразу поняла, что дела тут не обычные, сердечные. Все-таки месяц май на дворе, а парнишки-то молодые, зеленые, чтобы они там о себе не думали.

На самом деле Черный только говорил, что ни одна девчонка не стоит того, чтобы из-за нее дела страдали. Он просто надеялся, что сможет все повернуть без потерь. Артем... поймет, что должен как-то определиться с этой цыпой. Или приводит ее в компанию, или пусть от нее отстанет. Потому что вот так болтаться с ней целыми днями вместо того, чтобы заниматься делом, не пойдет. Если он хочет проблем, пусть решает.

Ну, а он, Черный ему просто помогает решить. Правда, с некоторой пользой для себя. Потому что, если Артем девчонку бросит — то вот он Черный. А если приведет в компанию, то через какое-то время она станет такой же давалкой, как и все остальные — и опять же, вот он Черный. Возьмет ее себе. у него и денег побольше будет, и связей и влияния. А Артем... а что Артем? если бы не Черный, он бы до сих пор с кулька в рогожку перебивался.

Рассуждения парня были конечно не слишком романтические, но он иначе мыслить не умел. А вот некоторые странные чувства к этой странной девчонке, которая ни его лоск, ни на бабки не повелась, испытывал. Необычные чувства, но охотничий азарт все-таки был из них самым ярким.

А потому от Веньки парень отправился прямо к дому этой Нины. Он еще вчера выяснил, где девчонка живет, а теперь решил там осмотреться.

Артем немного побродил по улицам, домой категорически не хотелось, идти к кому-то из своих тоже. Настроение не то. К тому же, он испытывал какую-то непреодолимую потребность увидеть ее. Спросить, глядя в глаза, пусть ответит, черт бы ее побрал...

С другой стороны, хотелось плюнуть на все и бросить к чертовой матери... Или напиться. Но с этим довольно, Артема даже передернуло.

Мимо шли компании подростков, парочки. У него вдруг защемило сердце. Артем и сам не заметил, как ноги понесли его привычным маршрутом к дому Нины.

Из подъезда Нина вышла почти на автопилоте. Весна, кругом все цветет, а у нее никаких душевных сил. Побрела к беседке перед детской площадкой, малышкой к этому времени на площадке уже не было, и в беседку обычно набивались ребята постарше. Раньше Нина иногда сидела с ними, но в последнее время, как стала встречаться с Артемом, так и забыла туда дорогу.

Ее приветствовали разнообразными возгласами, общий смысл которых сводился к тому, что нехорошо отрываться от коллектива. Но ребятам было весело, у всех весеннее настроение, они недолго попеняли ей, и вернулись к своим разговорам. Если честно сказать, дворовые ребята были простоваты. Школа, в которой училась Нина, была лучшей в районе, что накладывало определенный налет легкого снобизма, и да, осознавая, что это не совсем хорошо, она, тем не менее, не могла с собой справиться. С ними ей было скучно.

Но то в обычное время, а сейчас, когда она чувствовала себя больной и раненой внутри, общение с «ПТУшниками» показалось ей живым и умиротворяющим. Простые парни и девчонки, простые интересы. Хорошо. Впрочем, среди этих дворовых парней был один,

который Нине немного нравился. Леша.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Леша был красивый парень, без закидонов, после школы собирался идти на завод, а там, как время подойдет, в армию. Нинку считал хорошей девчонкой, даже в шутку предлагал ей выйти за него замуж. В шутку она это и воспринимала.

Сейчас он подсел к ней поближе и спросил:

— Чего такая кислая?

Не объяснять же ему, что жизнь дала трещину.

— Так, в школе задают много. Устала, вот...

— Во-во, ученье свет! Ага! — гоготнул парень, — А хочешь, я тебя на качелях покатаю?

Сразу настроение лучше станет.

А что, это была неплохая идея.

— Ну... давай, что ли...

Через минуту она уже сидела в лодке, а сильные Лешкины руки начали ее раскачивать. И с каждым взмахом ей и впрямь становилось все лучше, а под конец она уже смеялась, подлетая выше перекладины.

Артем стоял в стороне и смотрел, как ладный рослый парень катает Нину в детской лодке, а та смеется. Парень тоже что-то бубнил и посмеивался. И судя по тому, как они непринужденно общались...

Слышать этот смех, смотреть на это было...

Будто кто-то тупым ножом отрезал кусок от его души.

Недолго же она...

Он развернулся и ушел. Потому что не мог больше там оставаться.

Черный встретился ему буквально за поворотом. Артему захотелось сплюнуть. Однако он поздоровался, оба сделали вид, что ничего не произошло. Черный заметил его мрачность, но решил не акцентировать на ней внимание, а напомнить Артему о делах, которые тот совсем забросил. Артем вяло огрызался, и больше отмалчивался. Видя его состояние, Черный предложил:

— Пошли к Лариске?

— Пошли, — глухо ответил Артем, поняв, что ему сейчас не помешает как-то отвлечься.

Потому что тот смех все еще стоял у него в ушах.

Черный тоже видел эту идиллическую сцену на качелях. Разумеется, сделал выводы. Нельзя сказать, что они его ранили, скорее наоборот, он пришел к выводу, что получить желаемое будет даже легче, чем казалось. И главное, очень хорошо, что Артем это видел.

Кататься было хорошо, весело. Но закончилось катание — закончилась передышка, вернулась подавленность. Снова навалилось состояние, когда хочется вдохнуть, а в груди будто места не хватает. Глядя на то, как Нина снова посмурилась, предложил было пройтись, но пробормотала, что ей вставать рано, а еще учить нужно, ушла домой. Парень долго смотрел ей вслед, даже после того, как она скрылась за дверью подъезда. Шутки-то шутками, а ему она нравилась.

Да, учить надо, учить... но как себя заставить...

Нина честно пыталась, однако это закончилось тем, что измученная девчонка прилегла скрючившись на постели, прижимая к груди тетрадку с вырезками из глянцевого журнала, и

тихонько заплакала.

Она просто не выдержит еще одного дня в пустоте и неизвестности. Не выдержит.

Не. Выдержит. Им нужно поговорить, девушка никак не могла понять, что случилось, почему он так резко изменил к ней отношение. Что послужило причиной? Пусть скажет, пусть объяснит, что она сделала не так. Пусть...

Нина решила, если Артем не появится завтра, пойти к нему домой.

Ночью встала мать, потушила свет, забрала из рук спящей Нины тетрадку, укрыла ее, погладила по волосам. Жалко ей было Нинку до слез, Серафима Петровна махнула рукой и отвернулась, глядя в окно и думая, что невозможно уберечь свое дитя ни от ошибок, ни от страданий. И нет тут никаких рецептов, это просто жизнь. Жизнь и всё.

Десятиклассница Лариса Самойлова жила довольно вольготно и заниматься могла чем хотела. До тех пор, пока хорошо училась и не ее выходки тревожили мать. А мать тоже жила своей жизнью. Отец у Ларисы вечно был в командировках. По полгода, а то и больше. Вроде как военный, точно этого не знал никто, но деньги мужик привозил большие. В общем, в отсутствие отца они с матерью нос в дела друг друга не совали, это была некая негласная договоренность.

Лариса их сегодня не ждала, но, увидев парней, не расстроилась. Быстренько позвонила подружке, та быстренько подтянулась. И вот небольшая вечеринка с бутылкой вина (девчонки сказали, что пить не будут, завтра с утра дополнительные — подготовка к экзаменам в разгаре) и танцами в темноте состоялась ко всеобщему удовольствию. Артем ушел с подружкой Ларисы, а Черный остался посидеть еще.

— Ну что, как дела на любовном фронте? — спросила Лариса.

На что Черный ответил не сразу, закурил. Лариса продолжала смотреть на него, слегка прищурившись.

— Будет наша, — выдал он наконец, раздавив окурок, и встал.

— Уходишь? — голос у девушки был нейтральный.

— Да.

Больше она ничего спрашивать не стала, она вообще была умная девчонка. Только вот беда в том, что Андрей Ковальчук по кличке Черный ей нравился, но увы, она была ему безразлична.

Тащиться домой к Ларкиной подружке Артем не стал. Все состоялось в парке на той скамейке, что поглубже в кустах. Там как раз фонари не горели. Видимо, народ позаботился, чтобы было прибежище для гуляющих парочек, которым срочно требуется уединение. А потом молча проводил ее до дома и так же молча ушел. Ему не нужно было от той девчонки ничего, просто несколько минут забвения, что он и получил. Зато, когда забвение прошло, вернулся противный осадок.

Домой Артем шел еще более мрачный и подавленный, чем был до того. Но одна здравая мысль все же пришла ему в голову. Так дальше жить нельзя, надо что-то менять. Не просто потому что он чувствовал себя несчастным. Просто потому что он чувствовал себя еще и грязным. В последнее время слишком много чего в его жизни случилось.

Нина в его жизни случилась. Снова.

Снова перевернула весь его мир.

И как в прошлый раз, сладкое вмиг превратилось в горечь.

Не вмиг, конечно, но пока бездумно наслаждаешься счастьем, все замечательно. Все становится плохо, когда настает момент что-то решать.

Вообще-то говоря, он был себе противен. Но и обида Нинку, которая вовсе не плакала там без него, была неожиданно сильной. Больно. Горько. За что? Зачем?

Тяжело быть подростком, в этом возрасте все переносится так остро, так трагически. И так прекрасно. Зато и воспоминания оставляет самые яркие, на всю жизнь.

Накануне вступления в настоящую жизнь, когда ты уже не ребенок, но еще и не взрослый, трудно осознать меру ответственности за свои поступки, представить себе последствия на много лет вперед. Потом, став взрослыми, мы понимаем, что какие-то вещи, смертельно ранившие душу в 16 лет, на самом деле яйца выеденного не стоили, и теперешним умом все воспринимается иначе.

Но тогда, в юности...

На занятиях Нина весь день была как на иголках, еле высидела. Обычно... раньше, когда они встречались, Артем звонил ей почти сразу после уроков, и они встречались. Когда у него, когда в парке, но чаще всего у нее. Телефон молчал уже третий день. Молчал с того дня, вернее с той ночи. Она пробовала звонить сама, но там или не брали трубку, или, если брали, то отвечала мать Артема. И отвечала она, что его дома нет.

Заставить себя выйти из дома и пойти к нему было страшно тяжело. Но и удержаться, не ходить было невозможно. Невозможно. Невозможно...

Одно из горьких воспоминаний, из тех, что оставляют в душе рубец на всю жизнь.

С трудом заставила себя войти в его подъезд. Артем жил на 9-том этаже, она всегда поднималась по лестнице. И сейчас тоже. Наверное, чтобы оттянуть момент встречи.

А ведь совсем недавно бегом бежала, душа пела от радости...

Удивительно, как быстро превращается лестница к счастью в дорогу на эшафот.

Перед самой дверью мужество оставило Нину. Пришлось долго уговаривать себя нажать на кнопку звонка, она спускалась на пролет ниже, снова поднималась, подходила к двери, опять спускалась по ступенькам.

Вдруг соседняя дверь отворилась, вышла женщина. Звук подействовав на Нину как выстрел.

— Девушка, вам кого?

— Мне... мне, — руки сами потянулись к звонку, ее накрыла паника, — Все в порядке, спасибо.

Тетка пожала плечами и захлопнула дверь. Нина позвонила еще раз, даже не зная, на что надеясь. Сердце колотилось как бешеное.

Дверь открылась. На пороге стояла мать Артема, Любовь Викторовна.

— Здравсьте, Любовь Викторовна, — промямлила Нина, едва дыша.

Матери Артема в это время дома обычно не бывало.

— Здравствуй, Ниночка.

— А... Артем дома? — выдохнула девчонка.

— А? Нет. его нет.

Видимо, ее потерянное личико вызвало у женщины сочувствие. Мама Артема оглядела Нину и проговорила:

— А ты, Ниночка, заходи. Подождешь, пока он придет.

— Спасибо, Любовь Викторовна, — Нина покраснела от волнения и прошмыгнула вслед за ней.

Надо сказать, что матери Артема Нина нравилась куда больше остальных лохудр. Нормальная домашняя девчонка, неиспорченная. Не наглая. Да и влияла она на сына положительно, вот правда в последнее время...

Они устроились на кухне пить чай, но Нина все прислушивалась, не откроется ли дверь. За разговором прошло чуть меньше часа, Нина почти уже отчаялась, но тут раздался звук открывающейся входной двери и одновременно голос Артема:

— Мать, ты что, дома?

— Да, взяла отгул.

В ответ раздалось невнятное хмыканье. Нина была ни жива, ни мертва, сердце колотилось, ее заливало каким-то обжигающим холодом от волнения, она вышла в прихожую.

Конечно же, он заметил ее обувь, как только вошел. И вид ее туфель, стоявших в прихожей выбил его из равновесия. Он тоже задыхался от волнения и какого-то давящего чувства, вернее предчувствия перед неприятным разговором.

Парень много думал эти дни. И больше всего вчера. Так бывает иногда, вроде жизнь течет и течет в одну сторону, а потом вдруг словно кто-то рубильник переключает. И все, больше в эту сторону никакого движения нет, только наоборот. И в этом "наоборот" девочки Нины не будет. Так будет правильно.

Почему он решил прервать отношения с Ниной?

Прежде всего Артем доходчиво объяснил это самому себе.

Потому что, продолжи он те отношения, рано или поздно, она его все равно предаст. Откажется от него.

Откуда такая уверенность?

Оттуда. Два года назад она поиграла им и без объяснений бросила. Он потом год собирал себя по кусочкам. И сейчас, стоило заговорить о том, что любовь надо доказать, пошла на попятный. Артем знал, что имеет власть над ней, что она его хочет, но видать не настолько, чтобы...

А, плевать. Заканчивать с этим надо.

С другой стороны, что он может ей предложить сейчас? Парень осознавал и это тоже. Не ко времени их эта любовь, а играть в жениха-и-невесту не имел никакого желания. Не для него это. Ей оно может и нравится, целоваться да миловаться, а ему эти игры уже в печенках. Как есть получалось, что пора разбегаться.

И на сей раз последнее слово за ним будет.

— Привет, — выдохнула Нина.

— Привет, — хмуро пробормотал Артем и направился в свою комнату.

Нина пошла за ним. Он не глядя на нее, бросил сумку на кровать, отвернулся, а Нина прошла к подоконнику. Этот подоконник был ее любимым местом, приходя к Артему, она всегда устраивалась там.

Артем закурил, он всегда курил в комнате, а Нине это почему-то нравилось, нравилось смотреть, как он держит сигарету, как затягивается. Даже дым не раздражал. Она что-то начала говорить, но Артем ее прервал.

— Нам не надо больше встречаться.

— Что? — застыла Нина, внезапно побледнев.

— Что слышала.

— Что? Это ты из-за того... да? Это была дурацкая проверка, да?!

— Не болтай ерунды.

— Я же сказала, если тебе так хочется...

Он не дал ей закончить, и, приблизив к ней лицо, прищурился и проговорил:

— Нужна ты мне... — и пошел красочный рассказ о том, сколько у него разных девчонок, что он с ними делает и как.

Нина обомлела. Это было ужасно. Она всегда подспудно подозревала, что рано или

поздно этим кончится. Но когда вот так...

— Давно надо было тебя послать, — проговорил Артем, затушив сигарету.

Ох, как тут Нину прорвало...

— Да пошел ты! Пошел ты! Ты!!! Я тебя пожалела просто!

Артем только язвительно ухмыльнулся, мол, себя жалея, отошел в сторону и отвернулся.

И тогда она вдруг собралась. Откуда только взялись силы.

— Пока, — сказала Нина, спрыгивая на пол, — Счастливо оставаться!

Артем обернулся на ее шаги, чтобы увидеть улыбку. Сейчас Нина улыбалась. Даже если бы ее заставили умирать долго и мучительно на его глазах, по капле выдавливая кровь, она бы улыбалась. Лишь бы он не видел, как ей больно.

И от этой ее улыбки ему было мучительно больно.

Ушла.

Ну вот... Он сделал все как хотел. Как надо. Он победил.

Победа... победа?

Из прихожей донеслись голоса:

— До свидания, Любовь Викторовна.

— Уже уходишь, Ниночка?

— Да.

Артем сел на кровать, вцепившись руками в волосы, и затих. Он был раздавлен ощущением пустоты и потери.

По улице она шла улыбаясь. Правда, иногда все же срывались слезинки. В груди... будто сердце клещами выдрали, а вместо него насыпали раскаленных углей.

Но ничего, она переживет. У нее стержень.

А он... тот, кого она любила... он подлый предатель.

Подлый предатель. Подлый.

Ничего. Все путем.

Домой влетела и сразу бросилась на кровать. Не рыдать, нет. Не станет она рыдать. Ни за что! Ни за что!!!

Рыдания душили ее, а горькие, жалящие слезы текли из глаз.

Это был первый урок.

Потом Нина успокоилась. Вернее, смогла заставить себя не чувствовать. Запереть боль внутри.

Надо было привести себя в порядок к приходу матери. Не хватало ей еще объяснять, чего она вся зареванная. Мать и так в последнее время донимала бесцеремонными расспросами. Вид в зеркале был ужасный, пожалуй, лучше всего будет искупаться. Да, точно, пусть вода все смое.

Нина мылась и мысленно проговаривала то, что он сказал, то, что она ответила или что могла бы ответить. Это снова и снова отбрасывало ее в самую гущу самоистязания.

Нет. Довольно. Больше слез не будет.

Горячая вода, почти кипятки. От нее кожа покраснела и скукожилась на пальцах. Пора вылезать. После купания глаза все равно были припухшие, тогда Нина решила накраситься. Вообще-то, она глаза не красила, но самое время начать.

Да, пора начать жить заново. Всем назло. Ему назло.

Пришла с работы Серафима Петровна. Ей одного взгляда на дочь было достаточно.

— Нина... — только начала мать, как зазвонил телефон.

Звонил Черный, звал пройтись. В другое время Нина бы отказалась, лучше бы с дворовыми ребятами посидела, но сейчас...

— Хорошо. Где встречаемся?

Он слегка опешил, даже не ожидал, что девчонка так быстро согласится. Думал, начнет ломаться, как обычно.

— На том же месте, у входа в парк. Давай... через двадцать минут.

— Давай, — она отбилась.

— Куда собралась? — встревожилась мать.

— Гулять, — отрезала Нина.

Выглядела дочь решительно и мрачно, Серафима Петровна не стала ничего больше спрашивать, сказала только:

— Не задерживайся.

Ничего не сказав в ответ, Нина вышла за дверь.

Девочка ушла, а женщина устало опустилась на стул в кухне, повозила ладонью по столешнице, потерла лоб. Ох, выросла девка...

Однако в парк Нина сразу не пошла. Ребята стайкой сидели в беседке, и она подошла. Почему-то потянуло к ним, переброситься парой слов, согреться, что ли. Дворовая команда подобралась на удивление позитивная. Девчонки ее макияж оценили:

— Ух ты, Нинка, тебе так здорово! Чего раньше не красилась?

Действительно...

Потом перешли на оживленное обсуждение, как провести завтрашний день, и Нина задумалась. А ведь и правда, завтра последний звонок.

Последний учебный день в школе. А она совершенно забыла об этом, как и обо всем остальном, эта ситуация с Артемом сузила ее мир в какую-то точку.

Немного поболтала с ребятами, даже будто дышать легче стало. Теперь можно идти в парк, во всяком случае, она не чувствовала себя такой опустошенной.

Черный ждал у входа. Нина скользнула взглядом по нему, парень был хорош. Красивая одежда черного цвета, как всегда. Волосы в легком артистическом беспорядке, непослушная прядка свисает на лоб. Темные очки. Ей вдруг стало немного смешно, но она сделала каменное лицо.

Когда Нина подошла поближе, Черный сделал шаг навстречу и царственным жестом пригласил ее войти. Он тоже с интересом ее оглядывал, сегодня девочка выглядела иначе. И дело даже не в том, что она была накрашена, хотя ей шло. Глаза стали такими большими и выразительными... Но дело было не в этом. В ней словно пружина скрученная чувствовалась. И какая-то сила. И злость.

Сначала прошились по аллеям, потом посидели на скамейке, потом он кормил ее мороженым. Все это время они говорили. Мысли Нины время от времени некстати сползали на воспоминания, и в эти моменты, она оживлялась еще больше. А Черный оказался не такой уж тупой, пошловатый, правда. Артем интереснее собеседник, больше в музыке разбирается... Стоп, стоп... Какой к чертям Артем?! Забыть.

Потихоньку начало темнеть. У Черного были свои планы. Целомудренная болтовня и прогулки, взявшись за руки, очень хорошо, но он уже староват для этого. А потому он незаметно сворачивал в сторону менее освещенной части парка.

Нельзя сказать, чтобы она не поняла его маневров. Ей просто было все равно. Да и лучшее средство забыть то, что она хотела забыть, попробовать что-то новое. Так что, когда парень решил, что настало время решительных действий, она позволила себя целовать. Было неплохо, довольно приятно. Ничего общего с тем наплывом эмоций, который вызывал у нее Артем. Стоп! Какой Артем?! Забыть.

— Ты чего? — спросил Черный, почувствовав, что она отстраняется.

— Домой пора.

— Брось, — он собирался вернуться к прерванному занятию, тем более, что ей понравилось, как ему показалось.

Однако девочка решительно отстранилась и, сказав:

— Пора, — пошла на выход.

Черный разочарованно поплелся за ней. И тут Нина обернулась и спросила:

— Что завтра делаешь?

Он удивленно уставился на нее.

— Ну, завтра же последний звонок.

Андрей Ковальчук по кличке Черный был достаточно опытным в делах фарцовки и чуточку приклатненным малым, но это не мешало ему оставаться выпускником средней школы, и не лишало мизерной доли юношеской наивности. Он просто пожал плечами, как и любой другой школьник и пробубнил:

— Как что? Пойду на линейку, — он хмыкнул, — С цветами.

— А потом?

Хмम्म...

— А что, есть идеи?

— Ну... — протянула Нина.

Она осознавала, что сейчас к ней вернулась ее забытая привычка манипулировать парнями. О, да, это была хорошая привычка, жаль, что она никогда не применяла ее к Артему!

Стоп!!! Какой к чертям Артем?! Забыть.

Парень подошел к ней поближе, встал вплотную:

— Так чё там с идеями?

— Приходи после линейки, — она кокетливо улыбнулась и отошла.

— Я приду к тебе завтра.

— Не забудь белую рубашку одеть, — и взгляд такой многозначительный и многообещающий.

Девчонка ушла, а Черный смотрел ей вслед. Он и не заметил, как проглотил наживку, и сейчас чувствовал вполне предсказуемое юношеское волнение и предвкушение новой встречи.

Кокетство страшная сила.

По мере того, как Нина удалялась от парка, точнее от Черного, который, смотрел ей вслед (она это знала, а потому шла легкой танцующей походкой, выпрямив спину и задрав подбородок), тем больше на нее наваливалось горькое душевное смятение. А как свернула за угол, так ее накрыло. Пришлось даже остановиться, чтобы справиться с собой, чтобы набраться сил и двигаться дальше.

А дома Нину ждал неприятный разговор с матерью.

Вид у матери был встревоженный и напряженный:

— Где была?

— Гуляла.

— Гуляла? Так уже ночь на дворе!

— Какая ночь, мама?! Пока только девять часов, — устало пробормотала Нина.

— А глаза чего накарсила как продажная девка? — мать не унималась, — Может, уже пора к гинекологу идти?

— Мама! — взорвалась Нина, — Прекрати!

— А что я должна думать?

Нине даже показалось, что мама ее обнюхивает. Это было последней каплей.

— Мама! Прекрати! Прекрати немедленно!

Она забилась в ванную, трясась от обиды и возмущения. Прекрасное дополнение к ее отвратительному состоянию, как будто того, что ее бросил Артем, было мало! Но постепенно слезы помогли расслабиться, слезы смыли обиду, тем более, что мать все стояла под дверью и причитала:

— Ниночка, девочка моя, ну не плачь, не плачь... Прости меня, я же о тебе переживаю...

Выплакавшись, Нина умылась и вышла прямо в объятия матери, чтобы там поплакать еще, только теперь они плакали вдвоем. Мать все твердила:

— Ниночка, я хочу для тебя лучшей доли, чем была у меня, дочка. Я... Я глупая была... А ты... ты сильная, умная, девочка моя, ты должна многого добиться в жизни. Понимаешь, Нинка? А не стать... Нинка...

Да. Она сильная. Умная. Она...

Из парка Черный пошел к Гарику, а оттуда они вдвоем к Веньке. Ребята, собравшиеся у него, отметили самодовольный и мечтательный вид парня. Но на все вопросы он загадочно отмалчивался. Тогда одна из девочек, Лариса, спросила прямо:

— Что-то ты чересчур довольным выглядишь, в чем дело?

Черный лениво вытянул руку, щелкнул ее по носу и заявил:

— Есть от чего.

— И от чего же?

— А не твоего ума дело, — он захихикал, видя, что девчонка отвернулась и поникла.

Вообще-то, он знал, что Лариса к нему неровно дышит. И этим пользовался. Он подсел ближе, чуть обнял ее, прижимая к себе, и, обжигая дыханием, прошептал на ушко:

— Пойдешь со мной?

По тому, как девушка обмякла в его объятиях и часто задышала, понял, что пойдет. С удовольствием пойдет. А ему просто необходимо было разрядиться, эти невинные поцелуйчики с Нинкой были для него такими необычными и возбуждающими, что не терпелось перейти к чему-то более... Более. А Лариска очень кстати.

Девушка знала, что Черный ее не любит, что только пользуется, но она его хотела. Может, ей и было обидно, но... Чем черт не шутит, вполне возможно, что удастся прибрать его к рукам. Главное, что они подходили друг другу, в смысле, были одного круга, одного финансового положения, и Лариса хорошо понимала его душевные потребности и устремления. А если парню надо перебеситься, она подождет.

Мать Артема, Любовь Викторовна, несколько раз заглядывала в комнату сына. Звала обедать, потом ужинать. Тот отвечал односложно:

— Не хочу.

Из комнаты не выходил, и похоже, как улегся, так и не вставал с кровати. Все лежал, глядя в потолок. Тяжело ему дался тот разговор с Ниной. И чем больше проходило времени, тем почему-то горше и больнее становилось. Ведь он сделал все правильно! Сделал это, чтобы она больше не могла причинить ему боль.

Какой-то жестокий парадокс.

Следующий день, 25 мая, был днем, который в жизни каждого может случиться только один раз. Последний звонок.

Нина пошла в школу с двумя большими белыми бантами и букетом цветов, который с утра пораньше купила мама. Вроде как извинение за вчерашнее. Вообще-то, волосы у Нины были довольно коротко стриженные, и бантики она не носила с восьмого класса, но ради такого случая... Как только умудрилась хвосты завязать, чтобы банты не соскакивали.

А с бантами пришли многие, в последний раз почувствовать себя школьниками. Потому что все, школа позади, остались только выпускные экзамены. И больше они уже не усядутся за эти столы, пришедшие на смену партам. Разве только в гости придут, и то, раз в год.

Сначала все сидели в классе, потом была линейка, говорили много разных красивых напутственных и трогательных слов. У кого-то навернулись на глаза слезы, когда в воздух разом поднялись все воздушные шары, которые выпускники держали в руках. Шары взлетали все выше, напоминая о том, что жизнь быстротечна, и ничего не вернуть назад, как бы этого не хотелось.

О, а после линейки ватага десятиклассников прошлась по городу, хохоча и привлекая внимание прохожих, вызывая в них ностальгические чувства. Обязательно свернули в парк, прокатились на аттракционах. Ну а потом уже пошли к одной из девчонок домой, отпраздновать завершившуюся школьную жизнь. Как обычно это бывает, танцевали, пили, ели.

Где-то, наверное, через час туда пришел Черный. Разумеется, он бы не пришел сам собой, Нина еще вчера сообщила, к кому они пойдут. Вроде как невзначай, обронила.

Пришел. В белой рубашке.

Нинка уже успела немного шампанского выпить, ей весь день приходилось держать лицо и всячески гнать от себя мрачные мысли об Артеме, так что теперь видеть Черного было в самый раз. Одноклассники на него косились, но против гостя возражать не стали, тем более, что он со своим шампанским пришел. Нинке было все равно. А когда начались танцы, организованные по принципу «темнота друг молодежи», целовалась она с ним с упоением. А потом он пошел ее провожать.

Кто знает, какие планы были у Черного, и кто знает, что из этого могло выйти. Конечно, спать с ним Нина не собиралась, даже ради того, чтобы отомстить Артему. Но ведь многое может произойти, когда прогуливаешься ночью, да еще и навеселе.

Но у судьбы свои сюрпризы.

Ему настучала Лариса. Вернее, не настучала, а просто по дружбе рассказала, пожаловалась, можно сказать, что Черный на два фронта работает. С ней спит, а за Нинкой бегают. И, конечно же, рассказала, что он ради той Нинки белую рубашку (!) напёр и потащился к ней праздновать, хотя по правилам, должен был в этот день быть со своими.

Артем на эти дни выпал из жизни. Думал, если не видеть и не слышать — все пройдет. Знал ведь, что Черный под Нинку клинья подбивает, вроде как сам добро дал. Но только после того, как услышал Ларискины откровения, как с ума сошел. Венька пытался его удержать, да разве удержишь.

Да, драка была масштабная.

А что удивляться, когда он увидел их, когда увидел руку парня у нее на плече, ее глаза шальные и немного испуганные...

Черного он избил, но сам получил не меньше. Нина застыла в ужасе, этот момент напомнил ей отчима, когда тот бил мать, напомнил собственное бессилие. Ей было страшно за Артема, хотелось броситься к нему, кричать, что ничего не было. Но он только презрительно глянул на нее, плюнул и ушел. Черный еще долго ругался и отплевывался, грозил, что припомнит Артему все. Какие-то жуткие ругательства и странные выражения, смысл которых был девчонке непонятен. Господи, во что она чуть не вляпалась...

Нина просто ушла, но перед тем, как уйти сказала:

— Не звони мне больше. Никогда. Никогда, слышишь!

— Да пошла ты! Ссука, тварь! — зло выплюнул Черный.

Для него это тоже первый и не самый приятный опыт.

Зато для Ларисы все сложилось как нельзя удачно.

Первый экзамен — литература устный должен был быть 29 мая. Три дня на подготовку. Этого вполне достаточно, если ты готовился весь год, ну, или хотя бы последнюю четверть. Консультации шли сплошняком. Нина пыталась готовиться.

Пыталась. Но вчерашнее никак не шло из памяти. Сердце обрывалось от волнения.

Вчера Артем появился прямо как грозный мститель. С чего бы ему вдруг бить морду Черному, если он сам же ее отшил? Что он мог подумать, когда увидел их вдвоем? А ведь они не просто прогуливались. Нину жег стыд, когда она вспоминала, как целовалась с Черным там, на квартире у подруги, где они отмечали последний звонок.

Она еле досидела на консультации, а потом пошла к Артему. Ноги сами понесли. Нина бы и не сказала, зачем, но ей нужно было оправдаться, сказать, что ничего не было... Черт... Что он не так понял...

Когда подошла к подъезду, мужество начало отказывать, девочка медленно поднималась по лестнице, чем выше поднималась, тем чаще останавливалась. А у самой двери совсем не стало сил. Несколько раз поднималась рука нажать кнопку звонка, но она не решалась. Потом и вовсе спустилась полмарша вниз и присела на ступеньку. Сердце билось где-то в горле, а руки дрожали. Потом пересилила себя, поднялась и позвонила.

Но, то ли дома никого не было, то ли... Короче, дверь так и не открылась.

Она постояла еще минут десять перед закрытой дверью как оплеванная, и ушла.

Что распространяется быстрее всего? Правильно, сплетни. Особенно, если эти сплетни правильно подпитывать. Нина и Артем ведь жили не на Луне, они жили не так уж далеко друг от друга, и школы их были, скажем так, не слишком разобщены. Постоянное общение школьников по телефону, да и просто во дворе, оно было всегда.

Просто после вчерашней драки Черного утешала Лариса. Болячечки йодом смазывала, охала, вскрикивала, пока он ей во всех красках расписывал, как он упорол эту су***, а потом вдруг появился на горизонте этот уе*****к Артем со своей дурацкой ревностью и страстью к эффектным разборкам. Но ничего, он этого козла Артема прищучит. Он ему покажет, каково это кусать руку, которая его кормит! Ему же это как два пальца *****.

Из всего услышанного Лариса Самойлова поняла, что Артема из дела выкинут, а интерес Черного к Нинке сошел на нет. И теперь Андрей Ковальчук ей достанется. Но надо было проконтролировать, что уж наверняка.

А потому внезапно пошел слух, что Нинка... ну... как бы это сказать... легкого поведения.

Просто удивительно, чего можно достичь за один день. А еще более удивительно, как охотно распространяли эту гадость про нее те самые девчонки, у которых у самих поведение было легкое, мягко говоря. И уж совсем удивительно, как охотно этому верили.

Но Нина об этом пока не знала. Обычно жертва клеветы узнает все в последнюю очередь. Она разрывалась между подготовкой к экзамену и походами к Артему домой. Два раза ее встретила закрытая дверь. Но она все-таки решилась прийти сюда в третий раз. Ей просто необходимо было поговорить с ним. Потому что хотела оправдаться, и потому что не укладывались поступки Артема ни в какую логику.

На сей раз ей открыли. Артем стоял в дверях осунувшийся и злой.

— Чего тебе? — сквозь зубы.

— Артем, я...

— Зачем пришла? — резко повторил он.

Он этого окрика Нина вздрогнула и словно вся подобралась:

— Я пришла сказать, что ты все не так понял.

— Что я не так понял? — зло прищурился он.

— У меня с Черным ничего нет.

— Да? — язвительно протянул парень, — А он утверждает обратное.

— Он лжет! — она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— А знаешь, мне все равно, — вдруг отвернулся Артем.

— Тогда зачем ты затеял ту драку? Зачем ты вообще пришел?

Действительно, зачем? Зачем?

— Хотел убедиться.

— И что, убедился?

— Да, убедился, что ты обыкновенная шлюха, — выплюнул он.

— Что? — ее словно ледяной водой облили.

— Что слышала!

Рука взметнулась сама, голова парня мотнулась и на щеке у Артема отпечаталась красная пятерня. Они застыли оба. Он молчал, отводя глаза, а Нина не верила, что он мог такое сказать, и что она могла его ударить.

Через секунду она отмерла, беспомощно повертела головой по сторонам и убежала по лестнице вниз. Раньше, чем он заметит ее слезы. Он так и остался стоять в дверях.

Разумеется, завтрашний устный экзамен по литературе она завалила. Ее просто элементарно накрыла истерика. Ни слова из себя не смогла выдать.

Завуч посмотрела на Нину поверх очков, поморщилась презрительно и произнесла нараспев:

— Как хороши, как свежи были розы?

Нет, двойку ей не поставили, но те неприязненные взгляды и полунамеки...

Мать позвонила Нинкиному отцу, с которым была в разводе, чтобы тот срочно приехал, поговорил с дочерью. Приехал. Поговорил.

Этот кусок воспоминаний Нина Степановна потом так про себя и называла: «Как хороши, как свежи были розы...». Что и говорить, экзамены выпускные она сдала с грехом пополам. Все тройки, только по иностранному каким-то образом затесалась четверка.

И это притом, что у девчонки были четверки-пятерки!

Не говоря уже о той грязной сплетне, что пустили вокруг нее. Сначала она, придавленная своим горем, не замечала, что на нее начали коситься, а потом ей, конечно же, рассказали. Аккурат в день выпускного. Короче говоря, у всех нормальных людей выпускной один из самых лучших дней жизни, а Нине этот день навсегда запомнился горечью незаслуженной обиды и предательства.

С одноклассниками было не особо приятно общаться, учитывая их общий снобизм (еще бы, школа-то была сильная, лучшая в районе!) и ее собственную подпорченную успеваемость. Раньше ведь Курбанова была образцовая девчонка, хорошо училась, все ожидали, что она с блеском поступит в вуз. А тут...

А вот с дворовыми ребятами наоборот, Нина сблизилась. Пусть они с неба звезд не хватили, зато были нормальными ребятами с нормальными человеческими запросами, и гадкую сплетню про нее просто проигнорировали. Июнь выдался теплый, они часто ходили на реку, купаться. И Нина с ними. Немного отогреться душой. Две пары из этой компании собирались пожениться летом. И Леша, кстати, в том числе. А выбрал он себе кругленькую хохотушку Люсю, как сам говорил:

— За то, что борщи классные готовит и пироги печет.

Ну, помимо пирогов и борщей, у Люськи был легкий характер и красивые голубые глаза. А насчет того, что его скоро в армию заберут, так ничего, жена мол, дома подождет. И вообще, зачем откладывать хорошее дело в долгий ящик?

Действительно, зачем?

Так прошло несколько недель, Нина немного успокоилась. Подошло время вступительных экзаменов. Но в институт она поступать не стала, решила, чего позориться. Пошла в техникум. Родители надавили, а то хотела вообще никуда не поступать, идти работать.

Если быть честной с собой до конца, Нина могла бы признаться, что тяги к какой-то определенной профессии у нее не было. Потому что, будь у нее четкий выбор и цель в жизни, это бы сработало, дисциплинировало. Но, увы. Впрочем, всему свое время, просто некоторые фрукты и овощи созревают позднее других.

Но понимание пришло потом.

А пока что девочка с разбитым сердцем училась жить заново.

Однако на фоне всего вышесказанного, этим летом в жизни Нины наметилась интересная тенденция. Ей часто звонили и молчали в трубку. Девушка не знала, кто это, но подозревала (вернее, хотела так думать) что это ей звонил Артем.

На самом деле это было не совсем так.

Артем...

У него тоже все неудачно сложилось. С компанией Черного он разругался вдрызг, только с Венькой поддерживал какие-то отношения. Но Венька сразу после выпускного уехал в Ленинград поступать, и остался Артем практически один. Из дела его выставили, да еще и повесили кое-какие долги. Однако парень не был хлюпиком, с этим-то он разобрался, а вот со своими сердечными делами вышло не очень.

Засела у него Нинка в душе, занозой засела. И, хотя на этот раз инициатором разрыва отношений был он сам, легче Артему от этого не становилось. Парня мучила депрессия. А потому, кое-как сдав экзамены, он уехал в деревню. Да там и проторчал все время, пока его в армию не призвали.

Да, он ей звонил. И молчал в трубку.

Но молчал ей в трубку не только он.

Как ни странно, Нине несколько раз звонил Черный. Они нехорошо расстались, он ослабил девчонку, и вообще... Но таких девушек в его окружении не было. Можно сказать как угодно, привлекательность новизны, или блажь, а только его слегка мучила совесть, и... что уже и вовсе смешно, он испытывал к ней некие романтические чувства. Но, признаваться даже себе не собирался.

А Лариса, между тем, его усиленно обхаживала, мысленно, наверное, уже и кольца примеряла. Скука, одним словом.

Так вот, иногда он звонил ей от скуки и молчал в трубку. А Нина даже и не подозревала. Не подозревала она и о том, что в этом деле был еще и третий участник. Ее одноклассник Юра.

О том, что она этому парню нравится, Нина узнала уже после того, как они окончили школу. Раньше-то и вовсе его не замечала, ей Артем всех заслонил. Чувства к нему слепили ее как солнце. А тут, вроде как погасло солнце, и на небосклоне стали видны звезды. Если верить тому, что «новая встреча лучшее средство от одиночества», душевную боль Нине надо было лечить новыми чувствами.

Ну, новые кавалеры не заставили себя ждать, и Юра был первый из них. На нем Нина «точила когти». Юра помогал ей бороться с депрессией и служил безотказной жилеткой. Парню льстило доверие, которое ему оказывали. Еще бы, девушка делилась с ним сокровенным! Целоваться с ним было не противно, даже приятно.

Как получилось, что он до этого времени молчал как партизан?

Дело в том, что Юра был по натуре застенчив, он долго любовался на Курбанову издали, а когда собрался таки приблизиться, на горизонте девушки его мечты нарисовался Артем. Естественно, никаких шансов у него тогда не было. Потом эта неприятная история с Черным. Сплетни, опять же. Он конечно не бросился осуждать Нину, но и подойти не решался, уж больно мрачной и замкнутой она выглядела.

В общем, они стали встречаться. Юра был симпатичный мальчик, но конечно, после Артема, да даже после Черного, казался Нине бледным и скучным.

Кстати, как-то раз, когда они гуляли, встретили в парке Черного. Он был с Лариской, еще какие-то ребята были с ними. Черный сразу ее заметил, и тут же впился взглядом, а на Юру вообще презрительно глянул, злобно ухмыльнувшись, как будто хотел с землей сравнить. Лариса Нину видеть была не рада, мягко говоря, судя по тому, каким напряженным стало лицо девушки, и сжалась ее рука у него на локте.

Нина прошла мимо, словно они не знакомы. Юра, который не слишком уверенно чувствовал себя в этой ситуации, невольно обернулся. От компании Черного веяло ощутимой опасностью, так ему показалось. И действительно, парень в черной рубашке, Черный, порывался пойти вслед за ними, да та девчонка, что вцепилась в него как клещ, не пустила.

Не удивительно, что вечером Нине звонили и напряженно молчали в трубку.

Вообще же, тот период в жизни Нины был подобен блужданию слепого по заснеженному лесу. И холодно, и хочется тепла, и не знаешь, в какой стороне его искать. Тепло человеческое.

Однако продлилось все это не слишком долго. Лето закончилось, начались занятия в техникуме. И Нину вместе с остальными ребятами по старой доброй традиции почти сразу отправили в колхоз на картошку.

Это было хорошо.

Потому что такие внезапные форсмажоры выбивают из привычного ритма жизни, заставляя забыть на время гнетущую тоску о несбывшемся. Потому что это только сначала Нина кипела ненавистью к Артему, потом, по прошествии небольшого времени, все плохое как-то стерлось и затуманилось, остались лишь хорошие воспоминания да горькие сожаления. Гуляя с Юрой там, где они раньше ходили с Артемом, Нина невольно вспоминала его, но уже почти без обиды и без злости.

Так вот, в этом смысле поездка в колхоз на картошку была просто лекарством от хандры. Там как напашешься весь день на поле, да потом еще вечером посидишь у костра с песнями под гитару, да еще танцы, да еще... Короче, некогда скучать и предаваться меланхолии, потому что деревенские пацаны быстро рассмотрели городских девчонок.

Туда же в колхоз нагнали еще и студентов из вузов. Подобралась шумная молодежная компания. Были ребята, достойные внимания. К Нине упорно клеился деревенский парень и один студент из Бауманки. Дело, конечно, не в снобизме, но выбрала она студента. Парень был красивее, да и поговорить с ним было намного интереснее. Не говоря уже о поцелуях.

Что и говорить, время, проведенное в колхозе, оставило приятные воспоминания.

Но отношения с Володей, так звали красавца студента, колхозом не закончились. Нина стала с ним встречаться и дальше. Ее одноклассник Юра проигрывал Володе и внешне, и по уровню образования, но с и ним она встречалась тоже.

Разумеется, ни один, ни второй не подозревали о существовании друг друга.

Кто из них ей нравился больше?

Юра был ей предан до мозга костей, готов был терпеть ее плохое настроение и мрачноватое самокопание, лишь бы она улыбалась ему хоть изредка. В этом был своеобразный психологический мазохизм какой-то. Иногда хотелось встряхнуть его, но в остальное время... В остальное время Юра был именно тем, кто постоянно нужен был Нине рядом. Разумеется, не для чувств. Он нужен был, чтобы было, кому изливать душу.

Володя... Володя был интересный и красивый, пожалуй, не цари у Нины в душе такая разруха, она бы в него влюбилась. Может быть. Но в настоящий момент депрессия делала свое дело, и если сравнить душевное состояние девушки с корневой системой растения, можно было бы сказать, что все маленькие корешочки будто сгорели, остался лишь главный стержень, тот, что отвечает за жизнь. Растение живет, но почти ничего не чувствует. Может, со временем это пройдет, но только времени нужно много, очень много.

И, тем не менее, ей нужны были эти отношения, они позволяли чувствовать себя хоть немного живой.

Правда, как-то весной случился конфуз.

Они с Юрой выходили из кино, а прямо напротив дверей сидит на ограде ее студент Володя и смотрит на них. Пришлось знакомить ребят. Нина готова была сквозь землю провалиться. Это чувство неловкости она запомнила на всю жизнь, а потому зареклась

встречаться с двумя парнями одновременно.

Студент после этого случая вполне ожидаемо исчез из жизни Нины. А Юра, преданный и верный Юра остался при ней в качестве друга, надеясь своим упорным постоянством рано или поздно растопить лед в Нинкином сердце. Наверное, он любил ее, во всяком случае, часто говорил ей о своей любви.

Юра, кстати, возмужал и очень похорошел, он, как говорится, «вошел в пору». Юношеская угловатость исчезла, парень окреп, раздался в плечах и... стал красавцем. Таким привлекательным, что Нинкины подружки пытались окрутить его. Надо отдать парню должное, он не повелся.

А так, известное дело, увести парня у своей подруги, совершенно не считается грехом, что ж поделать, женщины так устроены. Собственно, настоящих подруг у Нины и не было. Ей всегда было легче общаться с мальчиками, от них меньше шансов за здорово живешь подлянку получить. Впрочем, от них тоже свои проблемы.

Ах... если бы она могла полюбить его... Увы, Юрику ничего не светило, кроме дружбы. Но он не терял надежды.

Да, в ее жизни все было хорошо, степенно.

Одна из подруг Нины, с которой та давно не виделась, сказала как-то:

— Ты не живешь, ты просто существуешь.

Как же жил все это время Артем?

Плохо жил.

Нет, он жил нормально, и с сексуальной жизнью у него тоже перебоев не было. Еще бы, молодой красивый парень. Да с ним любая рада была встречаться.

А только душа болела у этого бесшабашного парня. Но души снаружи не видно. И лишь наедине с собой он «отпускал вожжи» и предавался, как ему казалось, жалкому занятию — воспоминаниям об одной девчонке, превратившей его жизнь...

В то, во что она превратилась. Иногда, когда особенно остро накатывала тоска, он готов был сорваться и ехать. Туда, к ней. Простить прощенья, нет... он не знал... может, поговорить... Лишь бы прекратилось всё это. Тоска эта. И тогда он поднимал трубку, звонил. Молчал, слушая ее голос.

Но у него был стержень. И гордость. Она отказалась от него. А ему подачек с барского стола не надо. Да и слова Черного, его намеки о том, что Нинка не такая уж недотрога, сыграли свою роль, отравив душу ревностью и недоверием. Он не хотел верить Черному, не хотел верить, что она с ним... Но не мог отбросить эту мысль. Не. Мог.

А потому, то, что его забрали в армию, было как нельзя более кстати. В армии быстро выветриваются из головы разные глупые мысли. Особенно в первое время на КМБ. В это время ни о чем, кроме как пожрать и поспать не думается. Это потом, как пообвыкнешься, они возвращаются, чтобы беречь душу снова и снова.

Как кружила их судьба? Куда собиралась завести этих двоих, что жили друг без друга как в пустом, мертвом сне? А и вместе-то жить не получалось.

Судьба...

Странная дама с отвратительным чувством юмора.

И все-таки.

Срочную службу Артем проходил в пограничных войсках. Надо отдать ему должное, служил он добросовестно. Получалось, что во многом его поведение и жизненные ценности зависели от окружения. Тогда, в компании Черного и Гарика, проявлялись одни его качества, здесь же, в другом окружении — совершенно другие. Только одно оставалось неизменным, его стремление во что бы то ни стало добиться того, что он считал «ростом в деле». И в этом он мог сосредоточиться на главном, не размениваясь на мелочи.

Возможно, вырасти он немного в иных условиях, из него мог бы выйти успешный политик или предприниматель. Но все мы рождаемся и живем именно в том месте, которое нам отведено.

В общем, найдя в военной службе способ выдвинуться, парень действительно показал себя с лучшей стороны. В первый же год службы задержал важного нарушителя, и за это заслужил внеочередной отпуск.

Ну, вот и новый кусок воспоминаний. Их будет еще много. Они нанизаны на жизнь, как ожерелье, вернее, как витки спирали, или петли. И странная закономерность объединяет их всех — непонятное соревнование кто кому сделает больнее.

О том, что Артем приехал в отпуск, Нина случайно узнала, встретив на улице Маринку. Узнала, и будто ошалела. Словно не было обид, тяжести перенесенной депрессии. Все бросила и поехала к нему.

Опять тот же подъезд. И лестница.

С трудом поднялась на девятый этаж. Последний пролет одолеть и вовсе не осталось сил. И сердце в горле колотится и леденеют руки, а дыхания нет. Заставила себя подняться.

Долго не решалась поднять руку и нажать кнопку звонка. Потом позвонила.

Открыла мама Артема, Любовь Викторовна.

— А... ты...? — видно было, неожиданный визит Нины ее не обрадовал.

Дверь так и осталась наполовину закрытой, а выражение лица женщины не оставляло сомнений в том, что прежнего хорошего отношения к ней нет и в помине.

— Любовь Викторовна... — Нина сглотнула, еле справившись с волнением, — Артем дома?

Любовь Викторовна вышла на лестничную клетку и прикрыла за собой дверь.

— Зачем тебе Артем? Его нет.

— Я...

— Ты что, мало поиздевалась над парнем?

Вот это было заявление!

— Что?

Женщина возмущенно вздохнула и всплеснула руками:

— Нет, вы только посмотрите... Ты же ему жизнь испортила! А теперь еще делаешь вид, что не понимаешь?

Нина готова была расплакаться от обиды на такое несправедливое обвинение:

— Вы ничего не знаете! Это он! Он сам меня бросил! Сказал, чтобы я не... что нам не надо больше встречаться! А я люблю его! Люблю... Не могу...

Слова вырвались сами собой, Нина совершенно себя в тот момент не контролировала. И поразилась. Будто не было этого года, будто не удалось ей ценой невероятных усилий убедиться себя, что все забыто и теперь он ей безразличен. Открытие было ужасным.

Она, не говоря ни слова и не прощаясь, развернулась и побежала вниз по лестнице.

— Нина! Куда же ты? Нина!

А Нина бежала прочь, вытирая на ходу слезы. Как добралась домой, сама не помнила.

Вечером был телефонный звонок. Артем.

Видимо, Любовь Викторовна поговорила с сыном.

Просил встретиться. Поговорить.

Вернее, он ни о чем не просил, он просто сказал:

— Я зайду за тобой. Пройдемся.

Остальное Нина сама додумала. Ох, сколько чего она передумала, пока ждала его...

Он пришел часам к девяти, уже темнеть начало. Дверь открыла Нинина мама.

— Добрый вечер, Серафима Петровна. Нина дома?

— Дома, — на его приветствие женщина аж перекосилась, — Нина, к тебе пришли.

Нина уже была в прихожей, он прекрасно знала, что Артем не нравится матери, а после его звонка вся на нервах сидела, и теперь ей только материнских нотаций не хватало, быстро буркнула:

— Мама, мы погуляем недолго, — и вышла вместе с Артемом.

Вслед ей донеслось:

— Чтоб через час дома была!

Артем за все это время звука не издал. Они вообще до парка дошли молча. Потому что, поздоровавшись после долгой разлуки, они словно весь запас слов исчерпали. А может, наоборот, их было столько, что трудно было с чего-то начать. Парень молчал, и Нина заговорила первая. Спросила нейтральное: как ему служится.

Тот и ответил нейтрально, что служится хорошо.

Она слушала его безэмоциональный рассказ, и у нее создалось ощущение, будто они два хищника, и кружат вокруг друг друга, ожидая удобного момента, чтобы напасть. И откуда у Нины возникла такая ассоциация?

Его рассказ постепенно сошел на нет, воцарилось недолгое молчание, потом он спросил, отводя глаза в сторону:

— А у тебя как дела?

Хотелось ответить, что хорошо. Нина слегка поморщилась, и ответила:

— Хорошо. В техникуме учусь.

Парень хмыкнул, потом потер лицо и спросил:

— А на личном фронте?

Он задал его не из вежливости или праздного любопытства. Ему уже успели рассказать, что «его» Нинка не скучала, пока его не было. Однако Нина об этом знать не могла. А если бы и знала, оправдываться не собиралась. На этот вопрос ей очень хотелось ответить, что у нее все прекрасно! Что она о нем и не вспоминала! Но... язык не повернулся.

Вместо этого сорвались слова:

— Ты подлец, но я люблю тебя. Люблю больше, чем себя. Считаю, что сильнее любить нельзя.

Лицо парня изобразило странную смесь чувств, будто ему очень больно. А потом он, жадно вглядываясь в ее лицо, проговорил:

— Докажи.

Прошу тебя, дай мне понять, что я действительно тебе не безразличен. Что я у тебя

единственный. Что они все про тебя врут. Просто дай мне в это поверить. Дай мне...

Поверить, что не откажешься от меня снова. Не переступишь через меня. Что я не запасной вариант от скуки.

Прошу...

Он жадно вглядывался в ее лицо, пытаясь увидеть ту любовь, о которой она говорила, но вместо этого видел, как становится отчужденным ее взгляд.

Услышать его заявление было для Нины невероятно оскорбительно и обидно.

— И это говоришь мне ты? — от возмущения голос Нины прервался.

Артем молчал, напряженно ожидая ее ответа. Парень развернулся к ней всем телом и оперся локтями о колени:

— Сбегаешь? — он отвернулся, покачав головой, — Так я и знал.

— Что ты знал? Что ты вообще знаешь?

Тут Артем обернулся, глаза его сузились, он ответил с сарказмом:

— Действительно.

Нине так вдруг стало тошно, больше не хотелось с ним разговаривать, находиться рядом. Встала со скамейки, на которой они сидели, но ноги Артема перегораживали ей дорогу, и видно было, что посторониться тот не собирается. Тогда она просто переступила и ушла.

Вслед ей донесся горький смех:

— Я знал, что этим закончится.

Почему она сорвалась на бег, Нина сама не знала. Главное было не расплакаться у него на глазах.

Ушла. Переступила через него и ушла. Он остался сидеть на скамейке, обхватив лицо руками. А боль потихоньку заполняла его, просачиваясь тонкой струйкой через стены равнодушия, которые он пытался строить в душе. На кой черт нужна такая любовь?!

Больше они не созванивались и не встречались.

Через четыре дня Артем улетал. Все эти дни Нина была сама не своя, а в день его отъезда с ней и вовсе творилось что-то ужасное. С самого утра, будто жилы кто-то выдирали, она не хотела... не хотела... но ей просто необходимо было увидеть его перед отъездом. Увидеть, поговорить...

Хоть одно слово... Хотя бы издали...

Она сорвалась ехать в аэропорт в последний момент. Надеялась успеть, может, рейс задержат, все рейсы всегда задерживают.

Опоздала. Рейс не задержали.

Они снова пришли к тому, от чего начинали. Судьба сделала второй виток, вторую мертвую петлю. Сколько их еще будет, этих мертвых петель в их жизни? Сколько?

Если чему-то не суждено случиться, то тому, стало быть, случиться не суждено. И это не есть неизбежный фатум, нет, это просто наш выбор.

Техникум Нина так и не окончила. Невмоготу стало там учиться. Если честно сказать, то ей там не нравилось, да и не лежала душа к машиностроению. В общем, несмотря на уговоры матери и полные убеждений письма отца, документы она забрала за полгода до госсов.

Личная жизнь...

Да, личная жизнь...

Ну, Юра, преданный и верный Юра был при ней. Знал ли он о приезде Артема, или нет неизвестно, но парень вел себя безукоризненно, впрочем, как и всегда. Но теперь он стал поговаривать о свадьбе.

Господи! Ну какая свадьба...

Нина долго пыталась замалчивать эту тему, переводить разговор, но парень становился все настойчивее. Казалось бы, отличный молодой человек, перспективный и любит ее. Мать прямо ничего не говорила, но негласно его кандидатуру поддерживала. А Нине сама мысль лечь с ним в постель казалась невозможной. Не чувствовала она к нему ничего, ни к кому не чувствовала. Головокружительное влечение, которое она испытывала к Артему, невозможно было сравнить с тем вялым равнодушием, что было у нее к Юре.

Парень стал заводить разговоры о том, что им следует пожениться все чаще, молчание Нины считал практически согласием, а потому даже начал строить планы на будущее. Вот этого Нина уже не смогла вынести, ей казалось, что ее загоняют в ловушку. И тогда она рассказала ему все. Все про Артема.

Он был поражен. Выслушал молча, извинился и ушел. А потом постепенно исчез из ее жизни. В первый момент Нина испытала облегчение, но потом... Потом ей стало не хватать его, оказалось, что Юра тоже стал ей по-своему дорог.

Однако сказанные слова имеют силу не меньшую, чем пули. И убивают они не хуже, особенно, если дело касается дел любовных.

Из всей этой ситуации Нина твердо запомнила одно: больше никогда она не говорила о своих чувствах к Артему никому.

Прошло несколько месяцев. Несколько месяцев тяжелых размышлений и пустых переживаний. Попыток понять, чья вина, что было сделано не так. В один из дней Нина пошла навестить мать Артема.

Женщина была ей не рада. Чуть не спровадила в первый момент. Но они потихоньку разговорились, Любовь Викторовна оттаяла, а потом и вовсе пригласила ее приходить в гости, когда будет возможность. И дала ей адрес войсковой части Артема.

Особо ни на что не надеясь, Нина написала Артему письмо. В нем не было ни слова с любви. Просто письмо. Просто поговорить. Когда-то ведь им было о чем поговорить, какие-то общие интересы.

Он ответил.

Ни он, ни она не касались в письмах того, что между ними было.

Так потихоньку, продвигаясь аккуратно, словно по тонкому льду, начался новый виток их странных отношений. Удивительное дело, что бы не происходило, как бы ни рвались между ними все связи, а только эти связи почему-то никогда не обрывались до конца, упрямо прорастая снова и снова.

Они писали друг другу. Сначала это были осторожные попытки найти точки соприкосновения, а потом уже интересные дружеские письма, наполненные разнообразными новостями, событиями из их жизни, мелочами, смешными деталями. На первый взгляд, хорошие дружеские письма. Однако на самом деле, можно ли быть настоящим другом и полностью доверять тому, кого считаешь предателем? Несмотря на взаимные обиды, их тянуло друг к другу. Но, если так можно выразиться, оба были настороже.

Сейчас у Нины было такое чувство, будто установился какой-то странный нейтралитет. Он молчал о своих чувствах, она молчала о своих. Однако, перечитывая эти письма спустя много лет, Нина не могла не заметить, то, о чем они словно сговорились молчать, кричало между строк. Все-таки молодость, даже если она считает себя зрелой и умудренной опытом, не может притворяться с той степенью правдоподобности, что свойственна действительно зрелому цинизму.

И потом, с высоты прожитых лет, ей было понятно, что она в своих письмах будто пыталась поглотить его личность, подавить, растворить в себе. Очевидно, оттого что в жизни все было с точностью до наоборот, в жизни подавить ее безуспешно старался он. Так, на бумаге и на расстоянии, даже не говоря ничего прямо, они, тем не менее, высказали, что хотели. Но только вот...

Как всегда не поняли друг друга.

Где-то через полгода, а ему служить как раз оставалось еще около полугода, характер переписки изменился, в его письмах стали появляться некие планы на будущее. Такие пробные шары, он забрасывал ими Нину, пытаясь понять, надолго ли эти дистанционные отношения. Не исчезнут ли они снова, стоит им встретиться вживую. А она затаилась, боясь спугнуть его, боясь проявить инициативу, но готова была обвиться об него как лиана, и разве что не душить объятиями. Выражаясь образно, разумеется, хотя... Хотя объятий и поцелуев ей хотелось безумно. Безумно. Этим и были пронизаны эмоциональные письма девушки.

А чего хотелось ему? Ему хотелось быть мужчиной и самому управлять своей судьбой. Хотелось достичь успеха, чтобы им восхищались, чтобы его принимали таким, какой он есть, без возражений и ограничений. Чтобы она была послушна ему, а не подстраивала под себя. Потому что в какой-то момент Артему показалось, что Нина своими эмоциями его душит. Ему хотелось свободы выбора, свободы действий. Хотелось, чтобы ему отдали контроль и право решать.

Его можно было понять. Артем был в том возрасте, когда становятся мужчиной по-настоящему, а в армии этот процесс происходит еще быстрее. Там все наглядно и конкретно. Впрочем, и тут не обошлось без Нины. Дело в том, что она, после того как бросила техникум, устроилась на работу Генштаб.

Ну, это уже отдельная история, но коротко рассказать стоит. Мама Нины, Серафима Петровна по образованию была медсестрой, и работала она всю жизнь в ведомственном госпитале. А там через ее заботливые руки много народу прошло, завязались знакомства, хорошая дружба. Иногда две уборщицы могут сделать даже больше, чем целый генерал. В общем, Ниночку, чтобы не болталась без дела, мать через знакомых устроила туда для начала

техсотрудником. И Нина прижилась.

Разумеется, она писала ему об этом, а также о том, что на работе вокруг нее полным-полно военных с большими звездами, шутила на эту тему. Шутила, не осознавая, что отравляет ядом душу парня, заставляя простого сержанта сравнивать себя с воображаемыми майорами и полковниками, которых она видит каждый день, и оттого чувствовать себя ущербным. Конечно, ему хотелось самоутвердиться.

Поэтому в его письмах говорилось, что он собирается продолжить службу, и после армии собирается поступать в военное училище, добиться успехов, сделать карьеру. А там и время поступления подошло, о чем он ей и написал.

А Нина почему-то насторожилась.

Ей показалось, что Артем эти разговоры затевает лишь затем, что, зная о ее новом положении, думает извлечь из этого выгоду. На то его письмо она ответила обтекаемо и уклончиво.

Странные молодые люди. Они нуждались друг в друге, но оба были научены горьким опытом предательства, и оба были отравлены недоверием.

Артем ведь не просто так намекал ей, что собирается поступать, он ждал от нее одобрения, смешно сказать, он, как дурак, ждал, что она придет поддержать его, будет рядом. А когда получил ее суховатый и осторожный ответ в очередной раз понял, что от него отгораживаются.

Стало невероятно обидно. Что ж он ей годится только для поцелуйчиков по углам? А как жизнь с ним связать, так на попятный?! Он что ей, учебно-тренировочный, что ли? Захотела — достала, надоед — задвинула?! Ну да, понятно, у нее же там полно майоров и полковников! Есть из чего выбирать!

А ничего. Обойдется без нее.

Артем был обижен, может быть это и ничем не оправдано, но когда он только узнал, что Нина в Генштабе работает, сразу же заподозрил, что ему ничего не светит. А последнее ее письмо в этом убедило окончательно.

В Голицынское пограничное училище он поступил.

Вот тогда-то и написал ей в сердцах. Все что наболело.

Но он был бы не он, если бы показал, что ему действительно больно и обидно, он постарался сделать побольнее ей.

Когда Нина получила его последнее письмо, у нее в глазах потемнело. Было яркое летнее утро, а ей почудилось, что на улице ночь. Удар был жестоким. Он писал... Он...

Господи... Какой был разительный, убийственный контраст между теми письмами из армии, и этим... из училища. Будто разные люди...

Откуда...? Откуда этот пренебрежительный тон... Будто с нищенкой разговаривает...

В полученном письме рассказывалось, что она необразованная дура, не желающая учиться, и есть та, которая, бросив все, прилетела к нему и помогала своей поддержкой при сдаче экзаменов. И что ей, Нине, нечего на него рассчитывать, И т. д. и т. п...

Так получилось, что письмо Нина читала по дороге на работу и застыла как раз на середине Большого Москворецкого моста. Подняла глаза — слева Кремль, прямо Храм Василия Блаженного. От горя все вдруг увиделось в черно-белом цвете, как на негативе. Сколько это длилось, она не знала. Позже Нине подумалось, что так, наверное, сгорела ее душа. В прямом смысле слова.

А еще в тот момент Нина поняла, что в этот раз обиду ей нанесли смертельную.

Да, уж... В этот виток мертвой петли победа в соревновании «Кто сделает больше» осталась за ним. Бесспорная победа.

Как до работы добралась, Нина не помнила, но там, за суетой и хлопотами немного отошла. Глаза хоть стали видеть, правда действовала механически, как робот. Естественно, состояние девушки не осталось незамеченным.

Между прочим, опасения Артема насчет разных майоров и полковников не были беспочвенными. Нина была красивая девушка, видная, молоденькая, ответственная, характер упорный, но по-женски мягкий, а главное — порядочная. Да они, эти дядечки с большими звездами, в ней души не чаяли. А один майор неженатый даже ухаживать пытался. Нина его всерьез не воспринимала, в ее сердце ни для кого, кроме Артема, места не было.

Нина тогда не была готова к новым отношениям, ей было тяжело, больно и страшно жить.

Она теперь частенько бродила по московским улочкам. Тогда это была просто необходимость, прогулки успокаивали. Если в то время Нина действовала интуитивно, то уже гораздо позже нашла выражение, что архитектура — это застывшая музыка, а потом прочитала и статьи о влиянии исторического центра на личность. Например, психологи определили, что дети, постоянно живущие именно в историческом центре Москвы менее агрессивны, чем их сверстники из спальных районов. Звучит утешительно.

Был один дом неподалеку, который ей нравился. Если встать к нему под определенным углом, то здание напоминало нос огромного корабля. Нина частенько по вечерам приходила полюбоваться на него. На другом доме сохранилась мозаика. Яркие цветочные пятна на стене в том ее состоянии хоть немного, но поднимали настроение.

Однажды, когда она забралась необычно далеко, ей на глаза попался старый дом, огороженный под снос. На балконе верхнего этажа росло деревце. Маленький тополёк, метра два высотой, и как он только туда попал... Нине тогда показалось, что ее любовь, так же как и это деревце, выросла не в то время и не в том месте. Деревце живое, тянется к солнцу, ему невдомек, что растет на балконе дома, предназначенного под снос. Оно обречено, у него нет завтра, у него есть только сегодня.

И все-таки, петли судьбы ведут нас совершенно непонятными путями, заводя иногда в тупик, а иногда на новую дорогу.

Прошло немногим больше года. За это время подъезд, в котором жили Нина с мамой, расселили, и им дали новую квартиру. Переезды, вообще, очень полезная вещь, при переезде часто старые беды и болезни остаются на старом месте. Просто потому, что процесс это невероятно хлопотный, и ни на что другое сил не остается.

Примерно через год, после описанных событий, Нина была в гостях у знакомых. Те как раз обменяли квартиру, хотели быть поближе к престарелым родителям. А сейчас справляли новоселье. И черт же ее дернул поинтересоваться, а где это самое Голицынское училище...

Адрес ей сказали, даже подтрунивали, не желает ли она пополнить ряды девиц, толпами осаждавших все входы и выходы этого учебного заведения. Нине оставалось только поблагодарить и криво улыбнуться.

Не хотела идти. Но ноги сами понесли. А там...

В это трудно поверить, но когда она обратилась к дежурному на КПП, чтобы узнать, где

можно найти курсанта Артема Таранова, к нему с другой стороны подошел какой-то парень, курсант.

Артем.

Нина так и застыла, услышав:

— Ой, Нинка, ты!?

А вслед свое растерянное:

— Ой, а я к тебе приехала...

Ну вот, пошел новый странный виток. И каждый раз, будто все заново.

Вот только раны у каждого в душе становились все больше и болезненнее, да доверия все меньше. В этот раз они снова обрадовались друг другу при встрече, а недоверие свое постарались замаскировать от себя же самих.

Правду говорят, надежда умирает последней, а глупая надежда не умирает никогда.

В тот день они говорили долго, Нина вернулась к друзьям уже вечером, переполненная непонятными чувствами. Вроде, умом понимала, что зря все затеяла, а сердцем...

Они снова начали переписываться. Подружка Лианка, соседка в новом доме, с которой она сблизилась в последнее время, даже посмеивалась над ней, подкатывая глаза и поражаясь вселенской Нинкиной глупости. Она иногда говорила:

— Вы ж с ним цирк бесплатный. Как можно так? Столько раз хвост по кусочкам отрезать, а он как будто заново отрастает? Это сколько же можно на одни и те же грабли? Ты вообще головой думаешь?

А Нина отмалчивалась, потому что права была подруга во всем. Кроме одного. Кавалеров у Нины было много. Всегда. Даже в последнее время, когда она ходила хмурая, как осенняя туча. А сладкой дрожью ее заливало только от Артема. Злая судьба какая-то.

Артем писал о своих планах на будущее. Нина умом понимала, что планы чересчур уж радужные, но ей так хотелось, чтобы все было правдой. Он писал... Ах... Он писал, что они поженятся, и у них будет двое детей, мальчик и девочка, чтобы она обязательно дождалась его. О, она обещала! Обещала, что будет его ждать до 23 лет.

Почему до 23? Ну, как же, он должен был окончить свое училище, получить назначение, обжиться. Чтобы было, куда привести жену. Оставалось ждать не так уж много всего два года.

На самом деле, два года — это очень много.

За два года может столько чего произойти.

Оно и произошло, когда она приехала к нему в гости перед летним отпуском. Они с его однокурсниками пошли в кафе, отмечать. Ребята были со своими девчонками, все шутили, пересмеивались. Нина в их компании чувствовала себя не в своей тарелке, лишней себя чувствовала. А еще, Артем... нет, он, конечно, уделял ей внимание, но он о чем-то шептался с одной из девушек. Вроде, ничего криминального, но Нину душила ревность. Видимо у нее на лице все было написано, потому что, парень, сидевший рядом, наклонился к ней и с понимающей улыбкой прошептал на ушко:

— Не ревнуй.

Тогда она встрепенулась, ах, ее заставляют ревновать, да еще и выставляют душой? А ней пойти ли вам...? Теперь веселье из нее так и перло. Уж она и смеялась, и танцевала со всеми до упаду. Да уж, по части невинного кокетства ей не было равных.

Кончилось это тем, что молчаливый Артем проводил ее до дому, попрощался и ушел. На следующее утро она уехала, а он так и не позвонил, и у нее не появился. Пропал! В очередной раз пропал.

Это уже было даже не смешно!

В очередной раз наступать на одни и те же грабли было слишком болезненно. Ее христианского смирения и всепрощения больше не осталось. Месть и только месть занимала ее мысли. Подумать только! Она же столько времени берегла себя для него, думала подарить ему свою девственность... Ведь никому другому она принадлежать не хотела.

Да и сейчас не хотела. Достаточно было взглянуть на кого-нибудь из новых или старых кавалеров, как мысли улечься с ними в постель увядали сами собой. Оказалось, что взять и переспать с кем-нибудь просто так, назло, не так-то просто. Совсем не просто. У нее словно какой-то блок вставал. Обидно даже как-то...

А между тем настала зима, подошли новогодние праздники. На работе все праздники всегда отмечались, как положено. В армии так: положено — значит положено. Под новогодний вечер, который в этот раз проводили с размахом, арендовали киноконцертный зал гостиницы 'Россия', комсомольская организация расстаралась. А часть приглашений на вечер по старой доброй традиции отдали в комендатуру.

Кое с кем из ребят Нина была знакома, все-таки работали в одном здании, ходили в одну столовую. Так что на вечере она была не одна, завела еще одно знакомство, на которое, впрочем, не особо обратила внимание. Так, приятельские отношения, ограничивающиеся стенами здания. Потом с новым знакомым пересекалась в коридорах. Как-то он пошутил по этому поводу, встретившись на ее пути в третий раз за утро: 'Может, это судьба?'.

Шутки остались шутками. Но в любой шутке только доля шутки, остальное-то правда.

А в мае, как раз вышло так, что у Нины в этот день был день рождения, их комсомольская организация и комсомольская организация комендатуры организовали совместную однодневную прогулку-пикник на теплоходе.

Там оказался и тот знакомый с новогоднего вечера, капитан Иванков Юрий Валерьевич. С ним Нина и стала встречаться после этой поездки. Осторожно, приглядываясь, прохладно.

Но мужчина ее не торопил. Вообще, для настоящего мужчины нет крепостей, которые не берутся. И это вовсе не означает, что мужик, если он настоящий, должен крушить все вокруг и танком переть напролом, нет, он просто должен быть рядом, когда нужен, должен суметь доказать, что он самый лучший. Так вот, Юра, именно такой позиции и придерживался, в силу своей душевной чуткости уловив, что у Нины в душе незажившие раны.

Когда пытаешься построить новые отношения на пепелище старых, нужно время, чтобы душевные раны могли затянуться. Нужно дать это время, и выбор.

Прошел май, за ним июнь, июль, наступил август, а потом и он прошел. И Нина поняла, что весь этот год, все лето ждала Артема. Не дождалась. В сентябре, она таки переспала с Юрой. Собиралась назло Артему, за то, что целый год не удосужился ни написать, ни позвонить. А вышло...

А вышло, что в объятиях Юры она нашла успокоение и чувство защищенности, словно скиталась долго-долго и, наконец, вернулась домой. У нее к нему не было страсти, да и любви не было, но ей было так спокойно и надежно с ним. И ведь что странно, ему она поверила безоговорочно, и сожалений никаких не испытывала. А с Артемом не так все было, видимо, не испытывала она никогда к нему доверия.

В общем, в начале декабря они с Иванковым подали заявку в ЗАГС. Свадьба была назначена на конец февраля. А перед Новым Годом пришла безымянная открытка со стишком. В последней строчке говорилось что-то о пушистых снежинках, которые 'поцелуют тебя за меня'. Эта открытка и теперь лежит в той заветной шкатулке. Она тогда всю душу Нине перевернула.

Что и говорить, с чувством юмора у судьбы проблем нет, да и мертвых петель, заготовленных для нас наивных, у нее хватает.

За три недели до свадьбы, после полутора лет молчания, пришел Артем. Как гром среди ясного неба, прямо как статуя командора к донне Анне.

Не имея сил что либо говорить, она пригласила его войти. Артем прошел, неловко топчась в прихожей. Дверь в большую комнату была приоткрыта, на двери шкафа висело

свадебное платье. Нина провела Артема на кухню, указала рукой на табурет. Все молча.

— Я закурю? — спросил Артем.

— А... Да... — рассеяно ответила Нина, думая, как же ему сказать...

А слова как-то сказались сами.

— Артем... я замуж выхожу.

Он ответил не сразу, пыхнул сигаретой, глядя на нее пронзительно:

— А я тоже к тебе за этим приехал.

Господи... Ну где же он был эти полтора года? Где?! Что-то пульсировало в мозгу, какие-то обрывки мыслей, Нина не запомнила тот разговор полностью. Отдельные фрагменты.

Он ушел.

Нина обессилено опустилась на табурет в кухне.

Мать, Серафима Петровна, вышла вслед за Артемом, проводить до лифта.

Ушел...

Ушел.

Глаза закрылись сами.

Но тут Артем буквально ворвался обратно. Не ожидала, вскинулась встревожено, а он встал на колени, за руку ее взял, в глаза заглядывает... А Нинку словно током дернуло... Чужой он теперь для нее, чужой... Хотя и любить его не переставала ни на минуту. Чужой.

— Нина... одумайся... Нина... Нина!

Одуматься... Мысли в голове бьются.

'Все приглашения разосланы, как же объявить о том, что свадьба отменяется, я не могу'.

'Я для Артема небольшая потеря, он справится'.

'Я не могу нанести Юре такой удар, такую боль. Я же сама пережила весь ужас. Нет'.

'Мне больше нечего ему дать. Девственность отдала жениху, душа — пепелище. Слишком много обид и горечи. Я не выдержу и все на него изливать начну'.

— Нина! — сдавленно простонал Артем, встряхнув ее за плечи, — Нинка...

— Нет... — покачала головой она, — Поздно.

— Нинка, ничего не поздно! — он заглядывал ей в глаза, ловил ее взгляд, — Нинка, я тебя и с двумя детьми возьму.

Но она только качала головой:

— Нет.

— Нинка...

— Нет...

Взглянув на нее в последний раз, он встал, повел рукой по волосам, потом сжал пальцы в кулак и... И ушел.

Вот теперь он действительно ушел.

Очередная мертвая петля судьбы. Что ж, на сей раз победа была за Ниной. Полная победа. Счет сравнялся.

Свадьба состоялась, невеста была красивой, смеялась, много танцевала, жених был одновременно и серьезный, и ужасно, просто до неприличия довольный. А впереди их ждала долгая и счастливая жизнь.

Казалось бы, на этом можно поставить точку, отпраздновать хэппи энд, да и закончить историю?

А вот и нет.

А вот и нет...

Странные существа женщины. Странно устроены их чувства и эмоции, казалось бы механизм отлаженный, должен примерно одинаково работать в штатных ситуациях, но ничего похожего не наблюдается.

Если порыться в душе каждой, такие омуты нарыть можно, что уж точно, лучше никогда в них не заглядывать.

Семейная жизнь у Иванковых могла бы считаться идеальной, потому что муж Нину по-настоящему любил, всем сердцем. Именно любил, не пытаясь переделать под себя, принимая ее такой какая она есть. Со всеми заскоками и тараканами.

Юрий был старше. И тоже имел шрамы в душе, и понимал Нину как никто другой. В общем, был тем дубом, вокруг которого она обвилась лианой, потому как "стоять" самостоятельно не могла. Но на то и нужен женщине рядом сильный мужчина. Впрочем, иные женщины и сами те еще дубы, Нина это понимала, но к себе отнести не могла.

Во всем этом семейном счастье имелся для нее горький привкус.

Можно сколько угодно убеждать себя и окружающих, что все замечательно, можно даже убедить. Но в глубине души, там, где уже невозможно врать себе самой...

Когда выходила замуж, ощущение, что муж — это не ее, что крадет чье-то счастье, мучительно давило на психику. Однако и отказаться от него — ни за что! Тогда, в сентябре, когда она решила все-таки переспать с Юрой, сначала был просто кураж отчаяния, а потом появилась надежда, что с ним она избавится от того наваждения, от своей несчастной любви бестолковой. И все было хорошо. То есть, со временем. Со временем все бы стало хорошо.

Если бы не появился тогда Артем.

Не позвал ее замуж.

Нина понимала, знала, что все правильно сделала, что так надо было, и так лучше для всех. А только уходя, Артем забрал ее сердце.

Молодая семья первое время жила в квартире Нининой мамы, ей так привычнее было, потом перебрались к Юре, на его ведомственную квартиру. Там была, конечно, халупа. Но на самом деле жилищные условия вовсе не так уж важны для жизни, тем более что это явления временные. Беспокоило ее другое.

Нельзя сказать, что Нина ничего не испытывала к мужу, но в каком-то смысле, да, именно ничего. Вернее, понимала, что ей нечего ему дать. Потому что крохи чувств, которые она могла найти в душе...

Не заслуживал Юрий такого, не заслуживал! С его душевной чуткостью и мягкостью. Не заслуживал.

Но после всего пережитого Нине просто необходимо было согреться чьей-то любовью, вернуться в нее как кокон, спрятаться надежно от всего мира. И она пользовалась им, да пользовалась. Потому что это было необходимо.

Необходимо было убеждаться снова и снова, что ее любят, потому и спрашивала она у мужа постоянно:

— Скажи, ты меня любишь?

А он тепло улыбался, ей одними глазами, гладил по волосам, по лицу, как маленькую девочку и повторял ей снова и снова, что любит. Конечно он ее любил, он ее своей любовью поддерживал.

Артем никогда не говорил ей о своих чувствах, видимо, был из тех мужчин, из которых признание клещами тянуть надо. Возможно, если бы он сказал, признался... Возможно тогда все было бы иначе... Нина уже не знала, что иначе, ничего не знала, просто ощущала пустоту. Которую пыталась заполнить работой и бытом.

Когда родилась дочь, Нине почти сразу дали от работы двухкомнатную квартиру в престижном спальном районе. Положительно, огромная польза может быть от хорошей работы с мощным соцпакетом. Тут тебе и госдачи на летний период, закрытая, хорошо оборудованная поликлиника, санатории и дома отдыха, причем в последние можно было ездить и на выходные, практически за копейки, театральные кассы, просмотр фестивальных фильмов, буфеты с продуктами из спеццехов и своих подсобных хозяйств.

В общем, временное явление в виде бытового неустройства, не в пример быстро исправилось. Теперь они с мужем жили отдельно. И это хорошо и правильно, потому что, какие бы золотые не были зятья и тещи, лучше, чтобы они пореже видели друг друга.

Жизнь налаживалась потихоньку. Если бы еще не...

Если бы не проклятые воспоминания. Если бы не воспоминания, которые приходили по ночам, заставляя ее плакать в подушку.

Был еще один тяжкий момент. В силу своей эмоциональной заторможенности, Нина не могла нормально воспринимать дочь почти до двух лет. Нет, она все делала, что положено: купала, кормила, гуляла, занималась с ней. Все было чувство, что дочь ей вроде как чужая. Вот оно, бедствие-то, когда ребенок не от любимого мужчины. А потом вдруг в какой-то момент до Нины дошло, что это же и ее дочь. Где и что она сумела наскрести в своей душе, какую любовь, сама не знала, но все, что было, отдала ребенку.

Мужу Нины, скажем так, вверх по карьерной лестнице подниматься не давали, все его рапорты на перевод или повышение укладывались под сукно. Уж кому он там дорогу перешел, одному Богу известно. Надо сказать, что эти неурядицы не отражались на их отношениях, что в общем-то лишний раз доказывало, что поженились они правильно. И это заставляло Нину чувствовать угрызения совести за то, что она не может полюбить мужа так, как ей хотелось бы.

Тогда она решила пойти учиться. И самооценку поднять, сколько ей дурой необразованной ходить, мужа позорить. Нина помнила те уничижительные слова из письма Артема. Того письма, после которого жизнь вдруг сделалась черно-белой, потеряв свои краски. Да, доказать если не ему, так самой себе, и в семье помощь будет. Можно выйти из техсотрудников, получить нормальную должность. Даже звание получить. Игра стоила свеч.

Поступила в экономический институт, на вечернее отделение. На третьем курсе родился сын. Академку не брала. Получение диплома — это была ее своеобразная дань любви. Той любви, что не испытывала к мужу. Может, и не любила, но всей душой старалась помочь. Она хотела сделать это ради Юры, она сделала.

Воспоминания о тех годах какие-то едино-смазанные, идут куском, из которого и выделить особо нечего. Примерно как сухие строчки из автобиографии. Был, женился, родился и т. д. И только слезы в подушку по ночам почему-то постоянно в них присутствуют.

Но то воспоминания Нины.

А что было у Артема? Как жил он?

Да так. Жил как все.

Окончил училище, потом было распределение к черту на куличики. Границу нашей Родины охранять. Но к месту службы он уехал не один.

Женился. Нормально женился, как все.

У ворот каждого военного училища всегда толпятся потенциальные невесты, охотятся они на курсантов, потому из курсантов получают мужья — офицеры. Вот у ворот училища

Артем и «нашел» свою будущую жену Алену. Он и сам не сказал бы почему, но внешнее сходство с Ниной у нее определенно имелось. И это притом, что он старался вытравить из себя все воспоминания о Ниночке Курбановой.

Все произошло довольно быстро, это обычно так и происходило. Потому что у выпускников военного училища особо нет времени перебирать харчами, а прибыть холостому на точку где-нибудь в медвежьем углу, и потом годами ждать возможности, в смысле, обходиться без женщины... Это знаете ли... Тяжело это, короче.

Однако происходило все это как-то без его участия. Нет, он конечно при всем присутствовал, как же без него-то. Присутствовать-то он присутствовал, говорил как надо, делал, что надо. Но будто заводной. Будто душу отрезали и заморозили.

А собственно, так и было.

Потом начались будни. Будни на заставе, они, честно говоря, лишены особой привлекательности для молоденьких женщин, приехавших из столицы. В общем, если нет теплоты отношений, из обычной фифы не выйдет жены декабриста.

Семейная жизнь у Артема не была безоблачной, хотя, очень немногие могут похвастаться безоблачной семейной жизнью. Сходство его жены Алены с Ниной было чисто внешним, ни характером, ни сферой интересов она на Курбанову не походила. Ей бы все по шмоткам, по цацкам да по танцулькам, а больше ничего вроде и не интересовало. Вот и получалось, что и поговорить-то им было почти не о чем. Да и в постели... Не то было в постели. Но вспоминать Нинку он себе не позволял.

Он со всем упорством посвятил себя службе, думая найти в этом выход накопившимся негативным эмоциям, обрести уверенность и цель в жизни. Но служба, она сама из кого хочешь душу вытрясет. И на праздник совсем не похожа. Это работа, тяжелая работа, требующая полной отдачи, когда приползаешь ночью спать без задних ног, а завтра чуть свет опять все по новой.

Через пару лет у них с Аленой родился сын. Семеном назвали. Тот период, пока ребенок подрос, немного сблизил их, но и одновременно выявил обострившиеся проблемы. Потому что говорить с женой Артему особо не хотелось, а больше-то тоже особо делать нечего было. А ей... ей тоже все надоело к черту.

И скука эта, и неустроенность, и замкнутость со стороны Артема. Еще эти вечные проблемы по службе, переезды из одной дыры в другую. В общем, Алена стала «внушать» ему, что пора бы уже в приличное место перевестись, довольно помотались по дальним гарнизонам. Внушение, оно камень точит.

Он к тому моменту уже давно созрел, просто упрямился из чистого духа противоречия. Понятно, если сам не озаботишься своими делами, никто ими не озаботится. И вот, впервые за последние пять лет рискнул приехать домой. Да. Все верно, он пять лет не был дома. Не хотелось, не дай Господь с НЕЙ встретиться. Не вынес бы он этой встречи.

За пять последних лет, кстати, многое изменилось.

Начиная с того, что его мама, его чопорная и подвинутая на приличиях мать, вышла замуж. И даже успела родить сыночка Сережу. Он знал об этом из писем, приезжать-то не приезжал, сказываясь тем, что служба, мол, служба. Но вот так, увидеть вживую маленького братика... Странные, удивительные чувства это вызывало.

Братик вызвал у него нежность и желание оберегать. А вот новоявленный отчим — откровенное раздражение. Да и мать, которая теперь разрывалась между взрослым сыном и мужем, тоже. Однако Артем понимал, что она имела право устраивать свою личную жизнь,

просто это было трудно принять.

Пользуясь случаем, прошелся по старым друзьям. Время прошло, и он уже не держал зла ни на кого из них. Веньку видел, ужасно обрадовался. Случайно застал, потому что тот после института так и остался в Ленинграде. Сюда приехал на похороны бабушки, она дней десять как умерла.

Сходили на кладбище. Господи, как неожиданно сжалось сердце у Артема... Казалось бы, чужая бабушка, ну, умерла от старости. А слезы текли не переставая. Видно слишком мало было в жизни Артема любви и доброты человеческой. А может, ему это только казалось? Кто знает.

Еще видел Черного. Андрей Ковальчук теперь по партийной линии пошел, надо сказать, что неплохо продвинулся. Женился, кстати, на своей Лариске. Окрутила она таки его. Черный позвал его в гости, и потом в приватном разговоре просил у него прощения. За то. За то, о чем помнили оба. Артем только отмахнулся, чего прошлое ворошить. Если так сложилось, то так тому и быть.

Лариса откровенно злилась, что мужики тихо шепчутся о чем-то, справедливо полагая, что обсуждают они одну девчонку, о которой она слышать не хотела. А потому специально завела разговор о ней, о Нинке Курбановой. Еще и нож в ране Артема повернула, что мол, Курбанова правильно замуж вышла. И чего, спрашивается, выходить замуж за голого зеленого лейтенанта и ехать в глушь, когда можно за капитана выйти, который в Москве служит? Понятно, что за капитана выгоднее.

После этого разговора настроение у Артема испортилось, он вскорости извинился и ушел. Хотелось Черному высказать Лариске все, что он о ней думает, да потом стало лень. Все равно былого не вернешь.

А Артем решил прогуляться по городу, потому что в том состоянии идти домой не хотелось. Зашел в Цум. Где лучше всего человеку скрыться со своей тоской? Конечно среди людей, каждый занят своим делом, каждый куда-то спешит, и в этой толпе каждый одинок.

И тут совершенно случайно в детском отделе он увидел Нину. Она была с мужем и маленькой дочкой. Артем в первый момент застыл. А потом, когда опомнился, решил скрыто посмотреть за ними издали. На мужа ее глянуть, на капитана того, теперь уже майора, которого она ему тогда предпочла. Хотелось увидеть. Он представлял его высоким, этаким бравым балагуром военным. Но Иванов не был таким. Взрослый, старше Нины лет на десять, росту среднего, невзрачный на вид. Нет, не то, чтобы он был некрасивым, просто обычный.

Они не видели его и не знали, что ими наблюдают, а Артем впился взглядом, желая понять. И понял. Понял, что они смотрятся ВМЕСТЕ. Семейей смотрятся. И мужчина этот, о словно обтекает со всех сторон своих жену и дочь, видно, что заботится. А Нинка... Что он хотел увидеть в ее лице. И не мог понять, увидел или не увидел. И, тем не менее, видел он достаточно.

Артем ушел не оборачиваясь. Пора наконец поставить точку и забыть.

Вот только удастся ли? Вот в чем вопрос.

Отпуск подошел к концу. В Москву он приехал один, жена Алена вместе с сынишкой поехала к своим родным. Она была из Киева, и никогда не скрывала, что хотела бы поближе к ним перебраться. Ну вот, кое-какие маленькие связи и знакомства у Артема за время службы и учебы завязались. Машина заработала, шестеренки прокрутились, и ему удалось выбить назначение в Темрюк. Тоже, конечно, глухомань, но все же не Забайкалье. Тепло

там, опять же.

Хорошо съездил.

А что же дальше?

А дальше были девяностые.

Веселое время развала Союза. Конечно, не легко перенести распад государства, в котором родился и вырос, было всем. Впрочем, некоторые как раз таки удачно всплыли на волне мутной пены.

Но только не семейство Иванковых или Тарановых. Этот период был особенно тяжел для рядовых военных, для тех, на чьих плечах, собственно, и держалась армия. Потому что отдельные распиаренные фигуры из высшего генералитета, с именами, бывшими у всех на слуху, ни для обороны страны, ни для народа, ни для войск ничего не делали, да и не могли сделать, а остальная масса усилиями СМИ и неких политтехнологий вдруг стала кем-то вроде изгоев в собственной стране. И опустились защитники отечества, те, кого еще недавно так называли с уважением, ниже плинтуса.

Не все смогли пережить это время без потерь, очень многие уходили из армии в частные охранные агентства или в криминал... Да куда только не уходили!

Однако самые стойкие остались.

Этот период еще сильнее сплотил Нину и Юрия. Осознание того, что они семья, что дети у них, да и вообще, взаимное уважение сыграло свою роль. Нина пусть не любила его так, как она любила Артема, но, как оказалось, она смогла полюбить его очень сильно. Как мужа, как друга, как отца своих детей. Да, у нее не было к нему страсти, зато всего остального было с избытком.

А муж Нины, Иванков Юрий Валерьевич, что интересно, так это то, что друга и одноклассника Нины, тоже звали Юра. И он тоже к ней трепетно относился. И его она тоже не любила. Забавно. Так вот, он ведь знал, что Нина не любила его, когда выходила замуж, и что не любила потом тоже.

Дело в том, что ему и не нужно было ее любви. Он ведь был старше на десять лет, и когда-то в молодости пережил «похороны сердца». Тогда и выгорело все то, чем можно испытывать страсть, ревновать, утверждать свое мужское «я». Выгорело. И к Нине у него была чистая, ласковая любовь-забота.

Юрий был счастлив жениться на ней, потому что девушка была полна прекрасной душевной чистоты и силы, ему нравился ее характер, да и внешняя красота не последнюю роль в этом сыграла. И получил от Нины все, чего хотел. А то, что у нее нет к нему безумной страсти, так это даже лучше. Безумные страсти совершенно неуместны в семейной жизни. Ему хватало уважения и чувства единства.

Любил ли он ее?

Он почти со стопроцентной точностью мог предвидеть все ее поступки, он знал ее тайны, а ведь Нина об этом и не подозревала. У него вызывал улыбку ее авантюрный импульсивный характер, он умилялся ее наивности и зрелости одновременно. Он был ей нянькой, плечом, подушкой, стеной. Он был ей мужем. Любил ли он ее? Конечно. Но совсем не так, как об этом пишут в романах.

Между прочим, он знал, что за пару недель до свадьбы к ней приходил этот ее бывший, Артем, и звал ее замуж. В тот момент Иванкову нужно было определиться, как быть. Ведь если бы он увидел, понял, что с тем Артемом Нина будет счастлива, он бы отступил.

Нина так и не узнала, но Юрий разговаривал на эту тему с ее матерью, да и за ней

наблюдал, и только после того, как убедился, что не будет у этих двоих нормальной жизни... Они же... как две блуждающие кометы, орбиты которых встречаются в космосе, но никогда не пересекаются, хотя притяжение есть, сильное притяжение.

Наверное, это было бы очень тяжело, если бы он тогда испытывал к Нине безумную страсть. Но, по счастью ничего такого не было, а было желание излечить несчастную измученную девочку своим теплом, дать ей любовь, которой в ее жизни так не хватало. И это ему удалось.

А то, что она продолжала жить в своем мирке в мечтах, так пусть, чем бы дитя не тешилось, он даже немного ей завидовал. У него и этого не осталось, все выгорело когда-то. И потому он оберегал жену и заботился.

К сожалению, совсем не так радужно сложилось все у Тарановых. Артемова жена и раньше-то не слишком была довольна жизнью, правда, некоторое время после перевода поближе к родственникам перестала его пилить, потому что чуть не каждый месяц моталась в Киев, родителей навещать. Но потом, когда с деньгами стало хуже, вовсе перестала с ним считаться.

Вот тут-то и выяснилось, что любовники у нее. И здесь, и раньше тоже были. И что в Киев она за этим же и ездила. Заговорила Алена об этом сама, потому что захотела развод. Перестал ее устраивать муж без денег. Скандалила, кричала, что он ничтожество.

Понятно, в каком состоянии был Артем, каково это было переварить с его непомерной гордостью. После, потом уже пытался разобраться в себе, почему не замечал, не придавал значения. Может, и замечал раньше ее неискренность, но... он и сам был к ней довольно безразличен. Все это не задевало сердца, но самолюбие пострадало страшно.

И самое смешное, что мужья о подобном узнают последними, если узнают вообще.

В общем, они развелись, сына Сёмку Алена забрала с собой.

От всего этого отвратительного периода у Артема осталась только горечь и озлобление. О жене он больше ничего слышать не хотел, но сыну деньги посылал. Ребенок-то чем виноват, только видеть ребенка тоже не хотелось.

Получилось так, что воспоминания об этом большом куске жизни можно было бы спрессовать в несколько строк. И если назвать все одним словом, то тяжелые.

Обидно, конечно, чем дальше живешь, тем большие куски жизни проскакивают не принося радости, почти не оставляя следа, или оставляя раны в душе. А и душа тоже словно покрывается коркой. И чем старше человек становится, тем эта корка толще.

Одно слово — время перемен.

И перемены эти и без того не слишком счастливую жизнь Артема Таранова превратили в бесцельное существование по инерции. Когда жаль потраченных лет, а ничего не исправить.

Конечно, если судить по итогам, Нине повезло в жизни гораздо больше. У нее, слава Богу, крепкая семья, рядом надежный друг — муж, дети. Чего еще может пожелать женщина? Даже реализоваться в профессии удалось, опять же муж всячески содействовал. Конечно.

Конечно.

Но...

Но.

О, это но.

Все началось с того, что однажды Нине попался на глаза один роман. Читала всякое разное на тех сайтах, где доморощенные авторы выкладывают в сеть свои нетленные шедевры, и вдруг наткнулась на историю, которая как будто перевернула ей душу. Заставила окунуться в прошлое. Тут-то и всплыло это... Что от себя самой прятала старательно.

Не оборвались ниточки. Проросли. Через всю жизнь, через... больше чем через двадцать пять лет проросли.

Этот момент вроде незаметно, а очень серьезно поставил под удар весь тот мирок, который она себе построила. Потому что на другую чашу весов вдруг встали воспоминания. Те воспоминания, что не имеют срока давности, лучше которых ничего не было в жизни. И черт его знает, могли и перевесить все, что у нее было.

А потому совершенно необходимо стало вернуться к началу, чтобы все проверить. Надо было его найти.

Нина стала искать Артема в Интернете.

Очередная петля судьбы.

Интернет упорно молчал. Словно и не было вовсе никакого Артема Таранова.

Но как-то потом со временем обнаружились общие знакомые, одноклассники. И о чуде и каприз судьбы, Нина вышла на бывшую жену Артема Алену.

На удивление, Алена легко пошла на контакт. У них даже завязалась переписка. В итоге Нина узнала многое, почти все из их жизни. Что сама Алена живет в Киеве, сын Семен уже взрослый, женился, у него тоже в свою очередь есть сын, Павлик. Нина видела фотографии, хороший мальчик, чем-то на деда похож.

А Артем после развода так и остался один. Теперь вышел на пенсию, работает где-то на гражданке, живет с матерью. Да, в том же самом доме. А мать своего второго мужа уже схоронила. Сын от второго брака, сводный брат Артема Сережа, тоже служит, уже майор.

Нина поинтересовалась, а видятся ли они с Артемом, на что Алена категорично ответила «нет», ей такого не надобно. А потом добавила, вроде как с жалостью. Пьет он.

Алена даже прислала несколько фотографий Артема и своих.

Вот так.

В кухне стало темнеть, оттого что на улице было пасмурно, и Нина Степановна зажгла свет. А потом решила поставить чайник, потому что их «вечер воспоминаний» как-то сильно затянулся. Ариша все перебирала письма и фотографии, раскладывала, думая о чем-то своем, потом вдруг спросила:

— Бабушка, а вы так больше и не виделись?

Бабушка вздрогнула и ответила не сразу. Подошла к окну, постояла, глядя на небо, внучка ждала. Потом женщина вернулась за стол и поглаживая руками столешницу начала:

— Аришенька, я... Я очень любила твоего дедушку. Ты знаешь.

Девочка кивнула, она в этом не сомневалась. Но у бабушки было, что еще рассказать, и Ариша приготовилась слушать. Потому что романы про любовь это одно, а когда такой роман происходит в жизни, и будто бы на твоих глазах... письма, фотографии... вот они. Невольно дыхание перехватывает. И хочется... хочется... исправить ошибки судьбы, переписать, что ли. Или написать заново.

О том, что сейчас узнает Ариша, Нина Степановна никогда не рассказывала никому.

Она ведь встречалась с Артемом тогда в 2015, несколько лет назад. Еще муж покойный Юрий Валерьевич был жив тогда.

А дело было так.

После тех контактов с бывшей женой Артема, Нина Степановна неделю переваривала то, что от нее узнала. Металась душой, не зная, что делать.

А муж-то Юрий наблюдал эти метания. Если честно, то ему в первый раз стало страшно, но он ни слова не сказал, ничем не выдал ни того, что знает, ни того, что чувствует.

Не выдержала ведь. Поехала.

Вот он тот же подъезд. И лестница на девятый этаж. Только в этот раз Нина поехала на лифте. Потому что теперь она весила на тридцать кг больше, по ступенькам не поскачешь, как раньше. Зато совсем как раньше страшно было нажать кнопку звонка.

Открыла мать Артема Любовь Викторовна, совсем старенькая, Нину она не узнала. Не разрешила подождать, пока придет Артем. Удивительно, все повторилось почти как в тот день, только прошло с тех пор почти... сорок лет с небольшим.

Так же открылась дверь, он пришел с работы, так же точно сбилось дыхание, и встал ком в груди у Нины от волнения. Он сделал вид, что не узнал ее. Так, во всяком случае, он сказал:

— Много разных Нин было в моей жизни, — и пошел к себе в комнату.

Только Нина давно уже не была той девочкой, которую легко было задеть. Хотя... ему и сейчас удалось ее задеть и ранить. Разговор получился эмоциональный. Она просто прорвалась в его комнату, где мужчина хотел укрыться от нее, и высказала все.

Сначала он молчал.

А потом вдруг резко вылепил:

— Ты обещала мне! Ты обещала мне ждать до 23! Ты обещала.

Нина осеклась, она, честно говоря, забыла об этом обещании, да и чего было о нем помнить, если еще в 21 поняла, что безразлична ему. Но, с другой стороны... если бы она была ему безразлична...

Они еще долго перебрасывались упреками, кто и когда кого не понял. Отрицали. И становилось только понятнее, что они и тогда друг друга не понимали, да, в общем-то, не понимают и сейчас. Нина засобиравлась уходить, он вызвался провожать ее.

По дороге этот разговор продолжился. Немного успокоились.

Нина рассказала про свою жизнь, он про свою. Но ничего особо нового он ей не сказал. Когда узнал, что она сына назвала Артемом, в его честь, отвернулся. Сник. Невнятно пробормотал, Нина с трудом разобрала:

— И на меня не похож...

— Да, похож на меня в двадцать лет.

Он зачем-то поинтересовался возрастом ее сына и дальше все больше молчал. Нина тоже молчала, теперь, когда волнение от встречи прошло, она рассматривала его. Усох, постарел как-то, ее Юра даже лучше выглядит. Но в остальном, Артем все еще оставался более интересным собеседником.

Пока ждали транспорта, она все-таки не утерпела и задала свой вопрос, как он тогда к ней относился. Что он мог ответить... Артем ответил, что нормально.

— Значит, я любила тебя без взаимности?

На что он проворчал в ответ:

— У меня ни к кому взаимности не было.

— Что ж правильно я сделала, что выбрала тогда Юру.

А вот это его задело, Артем завозился, закурил нервно, но промолчал.

А вот черта с два он увильнет от ответа сейчас! Все это сильно задело и Нину.

— Получается, я тебя не привлекала тогда? Совершенно не привлекала?! Скажи! — яростно зашипела она.

И тут наклонился и сказал:

— От меня взрыва эмоций не жди. Я не женщина, — повернулся и ушел.

Вот, казалось бы, можно и ставить точку.

Увидела, поговорила, сравнила, убедилась, что выбрала правильно. Муж просто орел на его фоне. Успокоилась.

Но...

Непонятное послевкусие от последней встречи, душевное смятение, и вместе с тем, удовлетворение. Но додумывать дальше ей не хотелось. Не сейчас. Сейчас Нина ехала домой.

А он добрел до дома. Некоторое время стоял перед подъездом, курил. Потом поднялся на девятый этаж, открыл дверь своим ключом, прошел к себе в комнату. И как был в одежде, завалился на кровать. И так и пролежал, упершись взглядом в стену и поджав к животу колени.

Нина. Опять. Ее внезапное появление выбило его из колеи. И первой реакцией, защитной реакцией было отгородиться, сделать вид, что не узнал. Но она всегда могла его достать, от нее не отгородиться. И она его в очередной раз достала.

Мужчина ел себя поедом. Каким он ей показался? Осознавал, что жалким. Он бы и сам показался себе жалким. На минуту представил себе ее мужа, она о нем так говорила...

Хотелось злиться. На нее, за то... за все! На мужа ее этого...

Хотелось проклясть их к чертовой матери и забыть.

Но ничего этого Артем сделать не смог. И понял он только одно. Если так продолжится, он умрет гораздо раньше, чем перестанет дышать, он уже практически мертв. И выбор невелик. Или вконец засобачиться, как старый цепной пес, и сдохнуть, забыв обо всем человеческом, или вспомнить, что ты человек. Не хотелось сдохнуть, не хотелось.

А чтобы не сдохнуть, надо жить, и хотя бы в собственных глазах перестать быть жалким отбросом жизни, жить по-человечески. Были же у него какие-то интересы в молодости? Было же что-то для души? Да и пить надо завязывать, выпил уже свою бочку. И здоровье ни к черту. У него ведь сын, внук. Внук.

Артем мрачно усмехнулся. Ну, Нинка... Внесла разлад в его размеренную жизнь.

Дома Нину ждали, маму и бабушку всегда ждали. И муж ждал. А по ее просветленному лицу понял что-то, и отлегло от сердца. Отлегло. И то, как обнимала его жена, как грелась в его объятиях... Он все правильно сделал тогда.

А потом вскорости подошел праздник семейный — серебряная свадьба. А на серебряную свадьбу Юра ей приготовил сюрприз. Необычный. Нине открытку вручили. Стихи, немного глупые и сентиментальные. Простенькая, старая открытка, бумага успела пожелтеть, а чернила чуть выцвели.

Стихи были написаны рукой Юры. И дата стояла — день их свадьбы.

И вот как не заплакать? Как?

Сколько чувств наполняло Нину, сколько эмоций...

То есть ее муж планировал серебряную свадьбу в том далеком году и все это время тщательно хранил открытку, заботясь о том, чтобы она ее раньше времени не увидела.

Из всего этого Нина Степановна рассказала внучке только то, что виделась однажды с тем человеком, чьи фотографии и письма бережно хранила в альбоме, незадолго до своей серебряной свадьбы.

Да, и еще, что потом нашла все-таки его в Интернете. Он стал выкладывать свою музыку, стихи, фотографии. Свои, однокашников и однополчан, были и фотографии с внуком Пашкой. Внук так похож на Артема в юности.

Ну, вот и все.

Все.

А через три года Юра заболел. Проболел несколько лет и... Так толком и не смогли определить, что же с ним было. Официальный диагноз сердечная недостаточность. Его всегда ставят, когда не могут определить причину.

Как много Юра значил в ее жизни, как много дал ей. Он был... Он был...

Ариша еще долго сидела молча, бабушка закончила рассказ, убрала все свои сокровища обратно в шкатулку, унесла и спрятала. А девочка все не могла додумать и успокоиться. Не правильно все сложилось. Вроде, все правильно, а неправильно. Осадок какой-то остался.

Ну, молодые, они ведь смелые, и главное, мыслят нестандартно. Для них нет границ. А еще существует такая хорошая вещь, как Интернет.

Началось с того, что Ариша решила систематизировать и дополнить бабушкин тайный архив. Ребенку давно хотелось попробовать себя в роли писателя, или историографа. Отчего же не попробовать на маленьком примере собственной семьи?

Если есть идея и желание ее воплотить, остальное дело техники. Нашла внука Артема Таранова — Павла. Сначала просто списалась, написала честно, что занимается семейным архивом, а его дед Артем одноклассник ее бабушки, мол, первая любовь, и т. д. Короче, пусть выяснит, но тайно! Нет ли у его родителей, или у деда каких-то старых писем, документов, школьных фотографий, на которых ее бабушка есть.

Слово «тайно» сработало как катализатор, и ведь удалось заразить парня своей идеей! Сначала собирали по крупицам материалы, а потом нашлись и схожие интересы, стали общаться просто так.

Оказалось, что парню тоже четырнадцать, в этом году пятнадцать будет. Почти ровесники. Живет с родителями в Екатеринбурге. К деду в Москву иногда ездит на каникулы. Кроме того, выискивая по социальным сетям, а также родственникам и знакомым информацию, нашли практически всех одноклассников и Артема Таранова, и Ниночки Курбановой. Все уже давно семейные, дети, внуки, у кого-то даже правнуки.

Памятуя о рассказах бабушки, а также, чтобы проверить личные предположения, доморощенный психолог-историограф Ариша, особо интересовалась несколькими из них. Разумеется, прошла и по списку бабушкиных ухажеров. Ну интересно же, как там у них сложилось. Благо, их было немного, всего трое серьезных, остальные были незначительными эпизодами. Нашла.

Юра, одноклассник, в тот же год, что с Ниной расстался, женился и уехал работать на Север. Сейчас живут в Москве, две дочери, внуки от обоих.

Андрей Ковальчук, тот самый Черный, он особо интересовал Аришу. Так вот, Ковальчуки уехали в Канаду, Лариска его столько пилила, тянула, и таки вытянула. Раскрутился, бизнес у него там. А дочка со старшей внучкой не так давно в Москву приезжала. Андрей Ковальчук, когда узнал, про школьные фотографии, откликнулся сразу, прислал. Одна фотография была особенная, явно не из его класса. На ней девчонки стайкой. А в центре Нина Курбанова с двумя белыми бантами в коротких волосах. Фотография с последнего звонка. И как только она у него оказалась...

Нашли и двух других друзей Артема. Вениамин давно в Израиле, а Гарик уехал сначала в Армению, а потом в Штаты. Почти всех нашли, кроме Володи, того студента из Бауманки.

Если выстроить схему всех связей и перемещений, получалось, что она накроет добрую треть карты мира.

Незаметно подошли каникулы, Паша поедет к деду, значит, можно увидаться вживую. И юные следопыты договорились встретиться. А на встречу в парке (место встречи изменить

нельзя!) прийти он с дедом, она с бабушкой.

Забавный тайный заговор двух внуков против дедов и бабок.

Нина Степановна в тот день неохотно в парк собиралась, а Ариша все торопила ее, хитрющая девчонка. С Павликом Тарановым заранее сговорилась, чтобы строго к определенному времени с разных сторон на аллею зайти, и как бы случайно встретиться. Встретились...

В первый момент оба опешили, и Артем, и Нина. А потом стали смеяться.

Да, смеяться.

Столько петель мертвых сделала жизнь, и все-таки одна живая!

Нужно было, чтобы и молодость прошла, и зрелые годы, чтобы прошли все взаимные обиды и непонимание, чтобы потом, на старости лет встретиться и смеяться от радости. Потому что наконец простили друг друга.

Дети катались на аттракционах, а Артем с Ниной сидели на скамейке. Вспоминали. Улыбались друг другу. Слезы...

Потому что прошло, выгорело горевшее в них, сжигавшее изнутри. А свет остался. Теперь можно встречаться, можно говорить обо всем, вспоминать с теплотой, без горечи и боли.

Но больше о детях и внуках. В них теперь вся жизнь.

А на карусели, визжа и хохоча, крутились подростки. Молодые, бессмертные, счастливые.

Больше книг на сайте - Knigolub.net